

The background of the cover is a collage. The top half shows a man in a black tank top and a white cap, and a woman in sunglasses, both smiling and waving. They are on a beach with lounge chairs and umbrellas. The bottom half shows a city at night with many lights. The text is overlaid on the image.

АРКАДИЙ ЛАПИДУС

ЛЮБИМЕЦ

ИЗРАИЛЯ

ПОВЕСТИ
ВЕСЁЛЕНЬКИХ
ЛЕТ

Аркадий Лапидус

**Любимец Израиля.
Повести веселеньких лет**

«Э.РА»

2013

Лapidус А.

Любимец Израиля. Повести веселеньких лет /
А. Лapidус — «Э.РА», 2013

ISBN 978-965-92051-0-3

Все истории, которые вы прочтете здесь, не выдуманы. Вот так и было! Мне давно уже говорят – «Напиши про то, что у нас случилось в школе и дома. Слог, мол, у тебя хороший!». Вот я и написал. Даже потом сценки для школьных постановок получились. Но это мои первые опыты. Так что не это... как его... Не обессудьте! А чё? Мое несовершенство – не дефект! Это – путь! Не знаю, как там насчет слога, но то, что я сам не сахар и вообще многим не блещу – это точно! Есть, правда, и почище меня в этом отношении, но и я тоже не особенно... Вот Витька – это да! Витька – это вообще!.. И это не потому, что он мой друг. Хотя, если по правде, то и поэтому. Не зря же слово «Виктория» переводится как – победа, а слово «Виктор» – победитель! Но вы сами все узнаете, когда прочтете. И если вам понравится, то я еще и не такое могу рассказать!

ISBN 978-965-92051-0-3

© Лapidус А., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Предисловие	6
Школьные годы чудесные... (Ты, да я!)	7
Царевна-лебедь	8
Наставник	10
Феномен	14
Филателисты	16
Следственный эксперимент	20
Алло, зелёные!	23
Особый подход	26
Юность бушует, как вешние воды...	29
Утро первого дня	29
Тихий час, вечер и первая ночь	31
Дежурство	32
Аль Кепоне	34
Педагогика изнурения	36
Марш апофеоз	38
Любовный отлуп	43
Жизнь – это самый серьёзный предмет...	44
Опять вляпался!	44
Сельхозудовольствия	46
Дар проклюнулся!	51
"Нет романтизму! Закуска не та!..."	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аркадий Лapidус

Любимец Израиля.

Повести веселеньких лет

Все права сохраняются за автором и Господом Богом!

© Лapidус А., 2013

Я вечно молод!

*Ещё в раннем детстве я не мог спокойно усидеть на стуле и всё время падал с него.
Поэтому меня иногда привязывали к нему...*

Предисловие

Ну и жара! Последние капли воды вылил на голову и они тут же испарились. Говорят близится ледниковый период и это лучше, чем сегодняшнее глобальное потепление. Но по моему и то и другое – дрянь! Золотая середина – вот музыка Моцарта, лучше которой нет ничего на свете! И дышится легко и живётся радостно... Жизнь на Земле потому и существует, что она в золотой космическо-планетарной середине находится. А хочешь экстрима – пожалуйста! Чуть-чуть в сторону и... полные штаны! Тем более, что и хотеть-то особенно не надо – это добро сыпется так, что только поворачивайся!..

– Ширк! Ширк! Ширк!.. – скребёт щётка по почти расплавленному асфальту и где-то за углом, в тени, прячется в засаде надсмотрщик Асаф.

Моя израильская мечта о тихой и независимой дворницкой работе, где никто не мешает глубокому мыслительному процессу, наконец-то осуществилась. Но пока как-то слишком далеко от золотой середины. Вместо одного участка навалили ещё три и грозятся, что и это не предел. За один мне платят, а три в свои карманы рассовывают. Те, кто с ивритом знакомы, как-то отбрёхиваются, а мне нечего сказать – я на всю жизнь русскоязычный и только похожий на еврея. А впрочем, кто его знает! Жена говорит, что с национальностью моей русско-украинской мамы не всё до конца ясно. Тамара Лазаревна Иващенко – это очень подозрительно!.. Особенно, – Лазаревна!.. Тамара – тоже! Ну ей виднее – у неё интуиция! Хорошо, что мой родной отец – Лapidус Наум Аркадьевич не вызывает кривотолков! Тут для неё всё ясно! Тут попадание в точку! Никаких сомнений!.. Вот и подметаю вместе с мусором, собачьим дерьмом и дохлыми кошками (их здесь тьма!) свои, сомнительные для кого-то, воспоминания...

Мой сосед – Хазанов (не тот, который "Ха-ха-ха!", "Хи-хи-хи!" – и артист Геннадий, а Вадим Хазанов) – уролог высочайшей квалификации, тоже не очень-то из шоколада выглядит. В Москве он был – номер один, а тут... Нет, он работает по специальности – всё таки и иврит высидел и доктор медицинских наук, но зарплата ниже, чем у аборигенов и пенсия будет соответственная. Да что там говорить! Не одинок я в своих эмиграционных достижениях!..

– Как узнать настоящего еврея... да и любого ЧЕЛОВЕКА с большой буквы? – спросил он на днях меня и, не хуже своего прославленного тёзки-юмориста, сам же и ответил: – По кресту! Каждый несёт свой крест!..

Школьные годы чудесные... (Ты, да я!)

Родные вы мои, любимые, бриллиантовые!..

От рассказчика

Все истории, которые вы прочтёте здесь, не выдуманы. Вот так и было! Мне давно уже говорят – «Напиши про то, что у нас случилось в школе и дома. Слог, мол, у тебя хороший!». Вот я и написал. Даже потом сценки для школьных постановок получились. Но это мои первые опыты. Так что не это... как его... Не обессудьте! А чё? Моё несовершенство – не дефект! Это – путь! Не знаю, как там насчёт слога, но то, что я сам не сахар и вообще многим не блещу – это точно! Есть правда и почище меня в этом отношении, но и я тоже не особенно... Вот Витька – это да! Витька – это вообще!.. И это не потому, что он мой друг. Хотя, если по правде, то и поэтому. Не зря же слово «Виктория» переводится как победа, а слово «Виктор» – победитель! Но вы сами всё узнаете, когда прочтёте. И если вам понравится, то я ещё и не такое могу рассказать!

Царевна-лебедь

Мы с Витькой сидели в актовом зале и ждали руководителя школьного вокально-инструментального ансамбля. Новенькая шестиструнная гитара так и подпрыгивала в руках друга. Целых три аккорда знал Витька, и это позволяло ему аккомпанировать всем песням, романсам и ариям, расположенным в миноре.

«Ещё три в мажоре выучу и всё!» – гордо заявлял Витька, когда обнаруживал, что какая-то очередная песня или ария не вкладывается в его незаконченное музыкальное образование.

– Примут меня в ансамбль, а?

– Ещё бы! – восхищённо восклицал я и думал о том, как морочат голову людям, говоря, что музыке нужно учиться и учиться.

Вот сидит передо мной не Паганини, не Моцарт, а простой ученик обыкновенной средней школы и вся музыка ему подвластна!

Запутавшись в очередном мажорном произведении, Витька махнул рукой и лихо запел нашу любимую:

– "Ты да я, да мы с тобой! Ты да я, да мы с тобой! Здорово, когда на свете есть друзья!"

– "Если б жили все в одиночку, то уже давно б на кусочки развалилась бы, наверное, земля!" – подхватил я.

Спели мы, значит, песню и размечтались о том, что хорошо бы было, если бы все дружили и никто никому на мозги не капал.

– Да-а, хорошо бы было! Только вот с такими девчонками, как Люська всё равно ничего невозможно сделать! – с горечью протянул Витька, когда мы начали обсуждать вероятности контакта с девчонками.

– Это верно, – согласился я. – Люська – это у-у!

Дело в том, что нам житья не было от Люськи Красиковой. Мать Люськи была школьной подругой матери Витьки, и поскольку и Люська и Витька родились в один год, то их всё время сравнивали. Причём не в Витькину пользу. И ходить-то Люська начала раньше, и разговаривать. И кушала больше! А когда оба пошли в школу, то тут начались совершенно непереносимые муки. Люська фазу стала отличницей и взяла Витьку «на буксир». А так как я уже с того времени был другом Витьки, то и мне доставалось...

– Если бы с уроками не приставала, то ещё можно было бы как-то терпеть... – продолжал рассуждать мой друг и я вдруг ни с того ни с сего вспомнил, что глаза у Люськи синие и смеётся она заразительно.

– А какие, по-твоему, должны быть девчонки? – спросил я и сделал равнодушное лицо.

– Какие-какие! Ну, вот, например... как у Пушкина!

Моё равнодушие как ветром сдуло.

– У Пушкина? Ну-ка, ну-ка!

– Ну-ка, ну-ка! – передразнил меня Витька и, приняв позу, задекламировал – «Днём свет божий затмевает, ночью землю освещает!».

– «Месяц под косой блестит. А во лбу звезда горит!» – подхватил я и загорелся.

Эти стихи я знал ещё с раннего детства.

– «А сама-то величава. Выступает, словно пава!» – продолжает Витька.

– «Сладку речь-то говорит – будто реченька журчит!» – поспешил я продемонстрировать свою прекрасную память.

Последнюю строчку мы с Витькой проговорили одновременно, и это получилось так красиво, что у меня аж слёзы навернулись.

– Вот повезло Гвидону! – сказал Витька и сел.

– Да-а, с такой не пропадёшь. Волшебница! – согласился я. – Чего не захочешь – всё сделает! Правой рукой взмахнула – это!левой взмахнула – то! А в походе и фонарика не надо. И звезда тебе тут и месяц!..

Витька снова взял гитару, и волны универсального трёхаккордного арпеджио закачали нас.

– Странный этот Гвидон какой-то! – сказал друг. – Нашёл что спрашивать! То в комара его преврати, то в шмеля. Вот я бы... в отличника превратился!

– А я бы – в чемпиона! – торопливо вставил я и напряг свои дряблые мышцы.

– А я бы... – хотел ещё что-то добавить Витька, но в это время дверь актового зала тихонько, как у Пушкина, заскрипела и вошла Люська.

– А-а, вот вы где! – сказала она и по-хозяйски, пройдя прямо на сцену, начала вытаскивать из портфеля учебники и складывать их на стул.

– Вот те на-а! – обиженно протянул Витька и набычился.

– Вечно ты не вовремя! – поддакнул я.

– Как это не вовремя? – удивилась Люська. – Завтра контрольная по математике и мне с вами позаниматься надо. А то опять двоек нахватаете. Еле нашла вас...

– Иди-иди отсюда! Без тебя обойдёмся! – вдруг выкрикнул Витька и замахнулся на Люську гитарой.

– Ой! – сказала Люська и попятилась.

– Действительно! Вот ещё благодетельница нашлась! – обрадовался я Витькиной смелости.

Люська озадачено заморгала своими длинными как штaketник ресницами.

– Да как вам не стыдно! Я же помочь хочу... – растерянно пробормотала она.

– Ты бы ещё в автобусе книжки разложила! – хмыкнул Витька и начал запихивать учебники обратно в Люськин портфель. – Иди-иди! Не мешай! Мы заняты!

Я бросился помогать Витьке. Вмиг портфель был наполнен и защёлкнут. Угрожающе размахивая гитарой, Витька теснил Люську к двери, и, остервенело, цедил сквозь стиснутые зубы:

– Иди-иди... Нигде от тебя покоя нет...

– Да вы что? Вы что? Меня же твоя мама просила... – слабо сопротивлялась Люська и, пятясь, защищалась от гитары портфелем.

– Давай-давай! – вдруг взвизгнул я так неожиданно громко, что даже сам испугался.

Люську как метлой вымело.

– Ну, ты силён! – удивлённо сказал Витька и пожал мне руку. – Теперь долго не заявится. Тоже мне – царевна-лебедь! По маминому велению, по папиному хотению!

– Да-а, – протянул я и приободрился. – Настоящую бы царевну-лебедь сюда! Вот тогда бы пятёрки по контрольным были бы обеспечены! Давай! Нашу!

И мы снова запели: «Ты да я, да мы с тобой! Ты да я, да мы с тобой! Здорово, когда на свете есть друзья!»...

Наставник

Наш актовый зал никогда не пустует. Стоит забыть запереть дверь изнутри, как тут же кому-то он нужен позарез. Как-то раз только мы захотели с Витькой расположиться здесь, как следует, и побряцать на пианино, как с грохотом и топотом ввалился Мишка из десятого "А".

– Родные вы мои, любимые, дуйте отсюда, дуйте! – запричитал он и неизвестно зачем начал передвигать с места на место кресла.

Мишка всегда был какой-то очень уж шибутной. Говорят, что уже с первого класса от него покоя не было. А теперь, когда его пригласили в районный комсомольский штаб, он просто совсем забегался. То там мелькал, то тут. То он в драмкружке какие-то указания даёт, то приветствие каким-нибудь шефам наяривает, то дискотеку ведёт, то с директором санитарное состояние школы проверяет. На учёбу конечно, времени уже не остаётся. С тройки на тройку перебивался Мишка, но никто как-то не обращал на это внимания, и он всё равно считался самой передовой и знаменитой личностью в школе.

– Ну, чего стоите, родные вы мои, любимые? – уже раздражённо повторил Мишка и прибавил: – Ну! Я тут мероприятие проводить буду!

Ну, мы и вышли. А что ещё оставалось делать?

– Ага! Наконец-то! Идите сюда, родные вы мои, любимые! – снова послышалось из зала, и мы уже хотели войти обратно, но были отодвинуты в сторону двумя девчонками из восьмого «Б».

– Да проходите вы сюда, родные вы мои, любимые! – повторил Мишка нетерпеливо и как-то даже зло, и дверь захлопнулась перед самым нашим носом.

– Интересно, что они там будут делать? – изумился Витька и прилип к замочной скважине.

А так как второй скважины не было, то я прилип сбоку.

– От чего это я улыбаюсь, знаете? Что это мне так радостно, кумекаете? – с какой-то обидой в голосе продолжал Мишка.

– Да откуда нам знать! – ответила одна из девчонок.

– Говори быстрее, времени нет, – сказала другая.

– Ой, бриллиантовые вы мои, а у кого оно есть? – печально протянул Мишка. – Ни у кого его нет. А теперь совсем не будет. Комитет комсомола доверил нам шефство над пионерами!

– Ой, ой, ой... – заохала первая.

– Как вам не стыдно, вы же комсомолки! И, кстати, вчерашние пионерки! – возмутился Мишка. – На своей шкуре, чай, испытали как без шефов-то!

– Да ничего... – вяло протянула вторая.

– Вот именно ни-че-го! А надо чтобы ого-го! – назидательно вымолвил Мишка и продолжил: – Вот чтобы было ого-го, мы сейчас с вами тут кое-что отрепетируем и айда вон к таким малявкам, что сейчас здесь ошивались!

Мы у двери аж подпрыгнули.

Это нас-то малявками обозвали!

Дверь качнулась и заскрипела.

– Вползаем как разведчики! – зашипел мне в ухо Витька. – Нашёл тоже малявок, комсюк...

И мы вползли в зал и спрятались между рядами. Отсюда хоть и не очень хорошо, но всё-таки лучше было видно происходящее. Мишка, скрестив руки, восседал на стуле, а дев-

чонки, одна из которых была тёмненькая, а другая светленькая с прескучными физиономиями пощипывали край занавеса.

– Что репетировать-то? – спросила та, что посветлее.

– Всё! Всё нужно репетировать! – ответил Мишка. – Мы теперь с вами эти... как их?..

Надставники! Ой, нет... как-то по-другому...

– Подставники! – подсказала та, что потемнее.

– Да, подставники! – машинально повторил Мишка и запнулся. – Ой, нет... как это?..

– Подсвечники! – подсказала та, что посветлее и фыркнула.

– Правильно, – подсвечники! – согласился Мишка и тут же возмутился: – Да что вы меня путаете? Наставники! Конечно же, наставники!

– Ну, наставники. Ну, и что? – равнодушно протянула та, что потемнее.

Мишка аж захлебнулся.

– Как что? Как что? – закричал он. – Это ответственно или не ответственно? Я вас спрашиваю?

– Ну, ответственно. Ну и что? – зевнула та, что посветлее.

– А то, что раз это ответственно, то мы, прежде чем идти к подшефным будем моделировать ситуацию, – сказал Мишка и развалился на стуле, как барин. – Вот, смотрите, я как будто пионер, а вы пришли меня обслуживать. Ну, чего встали? Выходите и как будто входите. Ну, поехали! Рраз, два, три! Рраз, два, три!

Мишка хлопал в ладоши, а девчонки замаршировали сначала к кулисе, а потом обратно.

– Ну, вошли, – сказали они и остановились прямо за Мишкой.

– Что вошли? – возмутился тот. – Обслуживайте! Шефствуйте!

– Это что, гладить что ли? – спросила светленькая.

– Зачем гладить? Детей нельзя гладить. Они сразу же на шею садятся. Вы меня нагружайте. Поняли?

– Поняли, поняли! Чем только?

– Чем-чем... А чем нас нагружают? Поручениями! Вот давайте входите ещё раз, и сразу же меня нагружайте. Ну, поехали-и! Рраз, два, три! Рраз два три!

Девчонки замаршировали к кулисе и что-то там застряли.

– Ну, чего вы там? – нетерпеливо крикнул Мишка, и девчонки тут же замаршировали обратно.

Та, что потемнее, прятала за спиной ведро, и физиономии у обеих были презагадочные.

– Ну, сейчас они ему устроят!.. – зашипел мне на ухо Витька.

Действительно, девчонки решили разыграть комедию. Они встали по обе стороны от Мишки, заломили руки и начали смотреть на него так, как будто бы впервые увидели.

– О-о, пионэр сидит! – изумилась та, что посветлее.

– Давай на него наваливать! – пропела другая.

– Не наваливать, а нагружать! – гордо и сквозь зубы процедил Мишка.

– Правильно, нагружать, – согласилась светленькая. – Нагру-жай!

И тут же другая девчонка вскинула ведро и вытряхнула на голову Мишки мусор.

Мишка выпучил глаза и вскочил.

– Э-э! Вы что? – закричал он. – Я же просил поручениями!

– А мы и поручаем тебе убрать класс, – успокоила его светленькая.

– А-а, ну это другое дело... – растерянно забормотал Мишка. – Это, значит, вы тоже моделируете?

– Ну конечно моделируем, – подтвердила тёмненькая. – Ты теперь убирай, а мы будем тебе мораль читать.

– Это ещё зачем? – не понял Мишка.

– Как зачем? Так всегда полагается! – энергично заверила та, что посветлее и приняла позу поучающего.

– А-а, ну тогда давайте, – кивнул головой Мишка и начал собирать рассыпанный на полу мусор. – Раз моделируем, значит моделируем...

– Вот-вот, – подтвердила светленькая и прискрипучим голосом начала: – Мора-аль номэр один! «Нэ ссори-и!».

Та, что потемнее, откинула назад голову, задрала подбородок и, вытянув руку, ткнула указательным пальцем прямо в спину ползающего Мишки.

– Мора-аль номэр два-а! «Убирай, как следует!» – пропела она с каким-то завыванием и носком туфли этак презрительно подбросила прямо к Мишкиному носу скомканную бумажку. – Вот тут бомажечка-а. Не видишь что ли, лопу-ух!

– Сама ты лопух, буркнул Мишка и выпрямился. – Ну, кто ж так мораль читает? Мораль надо читать так, чтоб аж до костей продирало. Вот, – слушайте!

Мишка встал, вытряхнул из ведра собранное и, не обращая никакого внимания на «ой!», девчонок, сказал:

– Вы сейчас будете собирать, а я вам прочту мораль. Давайте, собирайте! Моделируем, моделируем!..

Девчонки ошарашено переглянулись, пожали плечами и... начали собирать. Мишка же сел на стул, откинулся на спинку, вытянул ноги и буравя указательным пальцем правой руки воздух и, тыча им в конце каждого слова в сторону ползающих, начал:

– Бездельники!.. Разгильдяи!.. Неряхи!.. Лоботрясы!.. Оболтусы!.. Кочерыжки!..

Последнее слово вырвалось по инерции, и Мишка испуганно зажал рот рукой.

Девчонки аж взвизгнули.

– Какие кочерыжки? – закричали они.

– Ну, ладно, ладно... Вырвалось... – замахал руками Мишка и сразу же ринулся в атаку. – В общем, как читать мораль вам ясно. И как убирать тоже. Не как вы, а лучше!

Мишка подобрал бумажку и кинул её в ведро.

– Теперь моделируем какое-нибудь другое поручение, – сказал он.

– Интересно, какое? – остывая, буркнула тёмненькая.

– Какое, какое! – взвился Мишка. – Что, мало их? Поручите, чтобы учились хорошо! Или чтобы родителей слушались! Ну и учителей тоже можно...

– А что тут моделировать? Тут опять можно ругнѐй отделаться, – сказала беленькая и, загибая пальцы, перечислила: – Бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы и оболтусы.

– Правильно! Усвоили наконец-то! Универсальный метод! – обрадовался Мишка.

– А если не подействует? – засомневалась тёмненькая.

– О-ой! – заскрежетал зубами Мишка. – Тогда кричите громче. Вот так: бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы, оболтусы!

Ударив, как хлыстом, последним словом, Мишка неожиданно затряс руками и заорал так, что мы съёжились за сидениями, а девчонки сбежали со сцены:

– И к директору! К директору! Поняли? Директором угрожайте! Или родителями! Или детской комнатой милиции! Тюрьмой, наконец! Не знаете что ли, как это делается? Ну, никакого соображения! Бездельники, разгильдяи, неряхи, лоботрясы и оболтусы!!!

– Псих! – закричали девчонки. – Чего на нас-то набросился? Подшефные мы тебе, что ли?

– Хуже! – продолжал ещё громче Мишка. – Те пусть попробуют поспорить! А от вас только и жди! Того и гляди начнёте!..

– Да мы ещё и не... – хотела перекричать Мишку тёмненькая, но не тут-то было.

– Молчи, молчи! – обрезал он. – Знаю я тебя!

– Да ты что?.. – попробовала светленькая.

– И тебя знаю! – резанул Мишка. – Бездельница!

– Я?

– Конечно!

– А я? – закипая, как самовар, запыхтела подруга.

– И ты тоже! – рубанул рукой воздух Мишка.

– А ты? Ты-то сам? – в голос завопили обе.

– И я тоже! – крикнул Мишка и осёкся. – Ой, нет! Я шеф! Мне поручили подсвечничать... Ой, нет... как это?..

– Подставничать! Тебе поручили подставничать! – язвительно саданула та, что посветлее.

– Да нет же... – заметался Юрка. – Как это?..

– Как это, как это! Надставничать! – подхватила та, что потемнее.

– Да-да, – надставничать! То-есть нет... заставничать... То-есть... Да что вы меня опять путаете! Наставничать! Поняли? На-став-ни-чать!!!

Мишка аж затрясся.

– Ну и наставничай! Пошли, Катя! – сказала та, что потемнее и, подхватив подругу, направилась к выходу.

Мишку как в прорубь опустили. Из красного он стал белым.

– Э-э, вы куда? – забормотал он и пошёл за девчонками. – Мы же моделируем только... Вы что, чокнулись?..

– Сам чокнулся! – выкрикнула светленькая и выскочила из зала.

Тёмненькая же задержалась и, чеканя каждое слово и обливая его самым змеиным ядом, пропела:

– Бездельник! Разгильдяй! Ннеряха! Лоботряс и оболтус!

Дверь хлопнула. Мы сидели ни живые, ни мёртвые. Если бы Мишка сейчас ещё и нас бы обнаружил, то, наверняка бы, лопнул.

– Сами вы бездельники! То есть бездельницы! – выкрикнул он отчаянно и умолк.

– Ой, что это я... Они же действительно не подшефные... – заговорил он через некоторое время более или менее нормально и прямо на глазах стал меняться.

– С ними же по-другому надо... – продолжал он и оттаивал. – Ну-ка, моделируем улыбочку!

Лицо Мишки расплылось как резиновое в широчайшую и наиглупейшую улыбку, а руки распахнулись, как ворота стадиона.

– Родные вы мои, любимые, бриллиантовые! – выкрикнул он и сделал танцевальный прыжок вправо. – Рродные вы мои, любимые, бриллиантовые! – повторил он и прыгнул влево.

После этого, видимо почувствовав себя снова в форме, Мишка скомандовал сам себе «И-и, пошёл!» и периодически выплёвывая «Родные вы мои, любимые, бриллиантовые!» запрыгал из зала.

Мы ещё некоторое время сидели, не шелохнувшись, а потом постепенно вылезли.

В зале стояла удивительная тишина...

Феномен

Наверное, в каждой школе найдётся хоть один ученик, который всё время что-то жуёт. У нас тоже есть такие. Но Затыка даже среди них феномен. И феноменальность его в том, что кроме постоянного чего-то жевания он ещё ко всему кроме себя абсолютно равнодушен. Абсолютно! Куда его родители смотрят – не знаю, а нам так и смотреть на него не хочется. Витька его даже йогом обозвал. Прирождённым! Они – йоги, говорит Витька, в своём учении до такого равнодушия доходят, что если рядом кто-то гибнет – руки не подадут. Каждый, мол, должен сам выкарабкиваться. Не знаю, правда это или Витька что-то не так понял, но если ждать когда Затыка руку подаст, то точно ноги протянешь. А против йогов я лично ничего не имею. Гимнастика у них мировая! И вообще меня Затыка раздражает, а не йоги. Те далеко, а этот рядом.

Сидим мы как-то на уроке истории, почитываем очередной параграф и вяло так записочками перебрасываемся. У Гермагеновны – учительницы по истории, зуб разболелся, и она задала нам самостоятельную работу, а сама ухватила за щеку и стонет. Да так стонет, что половина класса тоже за зубы хватается. Один Затыка жуёт и посмеивается.

Витька смотрел, смотрел на него да не выдержал:

– Вот человек! Ну, бары-бер! Неужели ничего нет такого, от чего бы он вздрогнул?

– Конечно – нет, – говорю я. – Что ты его не знаешь!

– У-у, жвачное! – продолжил возмущаться Витька. – Не-ет, я всё-таки попробую... Сейчас вот... Кукушкину подговорю!

И он начал писать записку Кукушкиной.

Та была полной противоположностью феномену. Все самые последние небылицы и сенсации были известны ей. Кукушкина просто захлёбывалась, когда рассказывала о чём-нибудь и надоедала нам постоянно. Но мы особенно не обижались. Не всё же, что она рассказывала, было выдумкой!

После урока Витька и Кукушкина сразу же побежали за Затыкой. В столовую! Я за ними. Когда я вбежал, Затыка уже успел выпросить у повара старый сухой бублик и теперь грыз его с наслаждением.

– Эй, феномен, иди сюда! – позвала Затыку Кукушкина.

– Ну, чего ещё? – недовольно промямлил тот и нехотя вышел из столовой.

– Чего-чего! Вчера снежного человека по телевизору показывали. Видел?

– Видел. Ну и что?

Витька как бы невзначай тут же поддержал Кукушкину.

– Да-да, я тоже видел. Лохматый такой!

– Подумаешь! – пожал плечами Затыка и осторожно начал зубами прощупывать очередной кусок бублика.

– Ишь какой... бережёт зубки-то... – подумал я и, не выдержав, вмешался в разговор. – А ты знаешь, наши космонавты с инопланетянами встретились.

– Точно, – подхватила Кукушкина. – Нам тоже про это папин знакомый лётчик рассказывал.

– Ну и что? – равнодушно сказал Затыка.

Витька сразу куда-то исчез и тут же появился снова.

– Эй, феномен! – задыхаясь, как от быстрого бега, выпалил он. – Пойдём с «бешниками» в футбол сыграем!

– Не пойду!

– Да кончай ты жевать, нам одного человека не хватает!

– Отстань! Бери его! – указал на меня Затыка и захрустел бубликом.

- Да у него нога болит, – сказала Кукушкина.
- Витька, мы тут про инопланетян разговариваем. Представляешь, наши космонавты их на станции чаем поили!
- Да ты что! – как будто страшно удивился Витька.
- И какие они?
- Вроде людей, но только маленькие, – опередил я Кукушкину.
- Но это секрет! – сделав большие глаза, предупредила Кукушкина.
- Вот здорово! – как будто ещё раз очень удивился Витька и, подмигнув мне, опять убежал.
- Подумаешь! – буркнул Затыка и собрался идти в раздевалку.
- Да подожди ты, подожди! – задержала его Кукушкина. – А ты слышал про то, что двух бессмертных нашли? Представляешь, они ещё с первобытного общества живут и всё-всё видели!
- Я аж присел. Такого мне никогда не придумать!
- Ну и что? – сказал Затыка.
- Как что? – возмутился я. – Наверное, все учёные всполошились?
- Ещё бы! – подтвердила Кукушкина.
- А зачем? – пожал плечами Затыка.
- А затем, – не выдержал я, – что солнце и всё остальное опять вокруг земли вертится!
- Ну и что? – сказал Затыка.
- Как что? Да неужели тебе и это всё равно? – теперь уже не выдержала Кукушкина.
- Подумаешь!.. – сказал Затыка.
- О-ох, сил моих больше нету! – застонала Кукушкина и уже хотела уйти, но тут, как будто неожиданно появился Витька.
- Я видел, как он зорко наблюдал за происходящим из-за спин, проходящих ребят.
- Ребята! – закричал он. – Мы у «бешников» в футбол выигрываем! Один – два в нашу пользу!
- Ура-а! Молодцы мальчишки! – запрыгала Кукушкина и изобразила на своём лице радость.
- Ну и что? – сказал Затыка.
- Витька зашипел как компрессор, и выдал последнее:
- А то, что в связи с тем, что завтра из нашей школы будет проводиться телерепортаж про наши спортивные успехи, уроки для нашего класса отменяются! Только что классная объявила!
- Ура-а! – закричал Затыка и убежал.
- Наконец-то... – безрадостно сказал Витька.
- Феномен! Почтище инопланетян... – вздохнула Кукушкина.
- И живут же на земле такие... – махнул рукой Витька и мы пошли в столовую.
- Кушать хотелось зверски...

Филателисты

Коллекция – это тогда хорошо, когда она может друзей собрать. Заглянуть с ними в прошлое и будущее. Кругозор расширить... А когда только себе да побольше, да в уголочке втихаря полюбовался и спрятал, так зачем это нужно? Я думаю первых коллекционеров всё-таки больше, чем вторых, хотя в нашем классе есть несколько заядлых и все как на горе вторые. Так уж получилось! То ли они друг от друга набрались, то ли ещё от кого, но эти вообще какие-то особые. Ну, где вы видели, чтобы в нашем возрасте дети по магазинам шастали, дефициты высматривали и приценивались? А эти шастают... Да и разговоры у них какие-то пыльные – про барахло, да про барахло. Тоска!..

И вот этим-то «деловым» поручили организовать в классе какое-нибудь полезное для всех дело. Взрослым же вечно некогда! Откуда им знать, что они за люди? Вроде бы энергичные, серьёзные... Да и родители какие-то там... где-то... В общем, контора солидная. Так Витька говорит. Он хоть по магазинам не бегает и ничего не собирает, но кое в чём не хуже их разбирается.

Собрались, значит, эти наши коллекционеры – Генка, Кайрат, Анжелка и Машка после уроков в классе, вытащили японский магнитофон, врубили музыку и ждут, когда мы с Витькой закончим пол мыть. Мы как раз в этот день дежурные по классу были. Музыка чистая, отличная. Субтропическая какая-то. Витька даже назвал её сюжетной. Так, говорит, и кажется, что Амазонка журчит, а от бунгало пирога отчаливает. И вокруг по берегам всё магнолии да голубые иксии цветут. А в воде сплошь аллигаторы, аллигаторы... Здоровые такие, как брёвна.

– Живут же люди! – заслушался я не то Витьку, не то музыку.

– Се льва! – щёлкнул языком Витька.

Кайрат как увидел, что мы заслушались, так сразу магнитофон выключил.

– Кончайте уборку! Вы нам мешаете! – говорит.

– Это ещё неизвестно кто кому мешает! – сразу окрысился Витька.

– Да пусть скоблят! Жалко, что ли? – капризно оттопырила губки Анжелка.

Машка и Генка молчали, и Кайрат махнул рукой. Дело в том, что все они знали, что с Витькой особенно связываться не стоит. Очень вспыльчив он и в гневе спуску не даёт никому. Даже мне иногда попадает. Тем более что друг мой ходит на дзюдо, а я в свободное время, в основном, ангиню.

Махнул этак, значит, Кайрат рукой в нашу сторону и начал:

– Директриса сказала, что пора нам кипеть, бить ключом и браться за дело. Мол, хватит в собственном соку вариться!

– Ничего себе! – сказал Витька, а я от удивления даже пол перестал мыть.

– А что? – сказала Анжелка. – Давайте откроем в нашем классе клуб интернациональной дружбы!

– Ого! – говорит Витька.

И только он это сказал, как вступил Генка:

– Светлая мысль! И вам, и нам! Письма, письма... Из Аргентины, из Канады, с островов Зелёного мыса... Приходят письма, а на них марки!

– Правильно! – подхватила Машка. – У меня знаете, какая коллекция!..

– Так мы тебе и дали! – усмехнулся Кайрат.

– Да-да! Марки только отличникам! Как поощрение! – объявила вдруг Анжелка и гордо нос вздёрнула.

Машка аж подпрыгнула.

– Ишь ты, какая хитрая! – закричала она. – Если ты единственная в классе отличница, так всё тебе?

– А кто тебе мешает? Хочешь марку – становись отличницей!

И тут как прорвало. Все заорали, как на восточном базаре. И громче всех заорал Генка, так как осенило в нужную сторону всё-таки его.

Мы с Витькой переглянулись и взяли за швабры.

Наконец, когда уже невозможно было разобрать, кто что кричит, осенило Кайрата.

– Стойте, стойте! – заорал он ещё громче, чем Генка. – Марки будем делить поровну!

Стало тихо. Только мы стучали швабрами, да какая-то птичка посвистывала за окном.

– Как это поровну? – растерянно начал Кайрат. Они же не одинаковые приходить будут. У меня есть целый блок канадских – мне их больше не надо. А вот с берега Слоновой кости ни одной.

– Со мной поменяешься! Мне как раз канадские нужны, – успокоила его Анжелка.

– А у тебя что?

– Два берега Слоновой кости!

– Беру!

– Как это ты берёшь? Почему? – возмутился Кайрат. – Мне может быть Слоновая кость во как нужна! Кость я беру! Моя кость! А ты взамен получишь перуанские!

– Да что ты лезешь со своими перуанскими! – в свою очередь набросилась на Кайрата Анжелка. – Он со мной уже поменялся!

– Когда поменялся, когда? – изумился Кайрат.

– Только что! И не лезь не в своё дело!

– Стоп, ребята, стоп! – замахала Машка руками. – Не будем зря спорить. Марки все собирать будем?

– Все! – сказали все.

– Вот и хорошо. А раз все собирать будем, то давайте составим список. Кому, какие нужны, в ту страну и запрос направим, чтоб высылали.

– Молодец Машка! – похвалил Генка. – А значки выписать можно?

– Не знаю...

– Значки в конвертах не посылают. Для этого бандероль нужна, – вздохнул Кайрат.

– Так в чём дело! Пусть бандероль и высылают! – обрадовался новой своей гениальной идее Генка.

– Правильно! И пусть вышлют календарики! – подхватила Анжелка.

– И переводные картинки! – вставила Машка.

– И фломастеры! – добавил Генка.

– И конфеты-ы! Импортные... – качнувшись в сторону, протянул Кайрат.

– Вот олухи! – кричит им Витька. – Для конфет-то посылка нужна!

– А что им стоит посылку отправить в знак дружбы? Конфет им, что ли жалко? – отвечает ему Анжелка, а Кайрат добавляет:

– Да и какое твоё дело! Моешь пол и мой себе!..

– Верно, Витька, – говорю я другу. – Пусть подавятся своими конфетами! Давай пол домывать! Немного осталось...

– Подожди... – отталкивает он меня. – Чего это они разгоношились?..

– Да ладно... Ну их!.. – сказал я так, что Витька плюнул и тут же вытер свой плевком тряпкой.

Филателисты же продолжали. Машку теперь уже осенило такой идеей: пусть те, говорят, что за границей живут, в посылку и сувениры всякие положат.

Анжелка как услышала это, так даже запрыгала.

– Правильно, правильно! – закричала она. – И уж если сувениры, то только отличникам!

– С чего это вдруг! – удивился Генка.

– Да-да! Как награду за отличную учёбу! – кривя губы, ответила Анжелка.

Тут Машка вскочила, упёрла руки в боки да как рявкнет:

– Да?

– Да! – тоже рявкнула Анжелка и тоже вскочила. – Да?

– Да!

– Да сядьте вы, сядьте! – посадил обеих Кайрат. – Если уж на то пошло, то вы хоть знаете, какие сувениры бывают?

– Известно какие. Игрушки всякие... – протянул Генка.

– Это с какой стороны подойти! Тебе, например, кажется, что это игрушка, а вообще-то сувениром может быть любая вещь. Например... фотоаппарат!

– Ого! – удивились все.

– Морской бинокль!

– Ну да! – поддразнил Витька.

– Вот тебе и "Ну да"! Даже автомобиль может быть сувениром!

– Ой, ой, ой! Дураки! Для автомобиля-то контейнер нужен! – сказал Витька.

– Контейнер-то контейнер, а вот как делить-то будем? – продолжила свою песенку

Анжелка.

– А что тут делить? – сразу же нашёлся Кайрат и очень довольный откинулся на спинку стула. – Организуем лотерею. Кто выиграет, тому и достанется.

– Да!.. Да!.. В таком деле лотерее довериться? – давась, заорала Анжелка и опять вскочила. – Чтобы автомобиль какому-нибудь двоечнику достался? Ни-ког-да!

– А причём здесь оценки?.. Ишь чего захотела... – начала подниматься Машка.

Анжелка насупилась и вдруг как стукнет по столу кулаком:

– Моё!

– Моё! – тут же заорала Машка в ответ.

Кайрат попытался и на этот раз разнять девчонок, но видя, что ничего не получается тоже вдруг заорал:

– Моё! Моё!

Ну и Генка не выдержал.

– Моё! Моё! Моё! – орал он громче всех и прыгал вокруг стола.

– Жадина! – вдруг присев, и ткнув пальцем в Анжелку выкрикнул Кайрат.

– Сам жадина! – тут же отпарировала Анжелка.

– Сама жадина! – закричали все и ткнули пальцами в Анжелку.

Анжелка отскочила и заткнув уши заорала так, что у нас чуть было не выпали из рук швабры:

– Са-ми вы жа-ди-ны!!!

– А-а! – опять закричали все, и Витька снова плюнул в сторону этого балагана и опять ширкнув шваброй пошёл к двери.

Ну и я за ним потопал, так как пол мы уже домыли.

– Ну и гадюшник! – сказал Витька уже за дверью. – Пойдём, водички похлебаем!

– Попили мы из фонтанчика и вернулись, чтобы забрать орудия труда. И как раз в это время дверь класса открылась, и вышел весь красный Генка. За ним – Анжелка.

– Наконец-то... – сказал Генка.

– Отмучались, слава богу... – пробормотала Анжелка.

Появилась Машка, а за ней Кайрат.

– Организовали клуб-то, марочные? – подковырнул Витька.

- Делать что ли больше нечего... – отмахнулась Машка.
- Тут выпаться-то не успеваешь... – добавила Анжелка.
- Автомобиль? Автомобиль-то как же? – опять ковырнул Витька.
- Да ну тебя! – огрызнулся Генка. – Сам катайся!

И все ушли.

– Я же говорил... – сказал Витька. – Нашли, кому поручать!..

И мы пошли развешивать тряпки.

Следственный эксперимент

Всю жизнь меня тянуло к искусству. И понял я это тогда, когда нас с Витькой пригласили принять участие в спектакле. Но если я сразу почувствовал себя тут на своём месте, то Витька не бросил это дело только из-за меня. Ему не понравилось. Тут уж, как говорится, любви не прикажешь! А девчонки, которые этот спектакль ставили, как специально не мне главную роль дали, а ему. Плечи, говорят, у него как у героя. И двигается он очень сценично. Надо же! Я лично никогда этого не замечал. Двигается человек и двигается! По-моему я тоже не хуже его это делаю...

Кроме нас в спектакле были заняты ещё несколько мальчишек, но всё внимание девчонки сконцентрировали на Витьке.

Витька долго терпел, пока они заставляли его кланяться и реверансы всякие выделять. Но когда они стали заставлять его петь «Прекрасны вы как свет зари, о мадемуазель! Портфель таскать, пальто подать позвольте мне скорей!», он не выдержал. Он бросил шляпу и сказал:

– Не буду я играть в вашем дурацком спектакле!

Я сразу заорал:

– Я буду играть, я!

Но девчонки сказали, что для меня у них припрятана самая изюмистая роль – роль комика в жизни.

Ну, за что, а? Нет, я вас спрашиваю – за что? Неужели я похож?

Пока я так рассуждал, девчонки как-то уговорили Витьку в последний раз попробовать. Теперь уже не он, а они делали реверансы и пели на мотивчик из оперетты "Сильва":

Ничего, что ты случайно
Мне попал портфелем в глаз.
Ты отважный, ты отчаянный!
Самый лучший ты у нас!

Это Витька вытерпел. Ещё бы! Потом девчонки стали объяснять ему и всем нам, что они не просто так ставят спектакль – для развлечения, а хотят показать всем, как плохо быть некультурным и как хорошо быть вежливым. Витька им говорит, что это ему ни к чему. Итак, все культурные и вежливые.

– Ничего подобного, – говорят девчонки. – Многие страдают отсутствием культуры.

– Кто страдает? – удивился я. – Я, например, совсем от другого страдаю. От её присутствия!

– Не суди по себе! – говорят девчонки. – Ты вообще какой-то ненормальный. А нормальные мальчишки все грубияны!

– Значит я ненормальный? – возмутился я.

– Ненормальный! – говорят девчонки.

Ну тут уж я обиделся не на шутку.

– Если, – говорю, – я такой ненормальный, то кому нужно, чтоб все были такими культурными?

– Нам надо! – говорят девчонки.

– Так вот я – берите!

– А ты нам не нужен!

– А кто же вам нужен?

– Немножечко такой как ты, – говорят, – а во всём остальном, такой как Витька!

Тут уже возмутился Витька.

– Почему это, – говорит, – вы только немножечко его берёте, а меня всего?

– Настоящий друг! – подумал я... и сам себе позавидовал.

Тут все зашумели, зашпорили... В общем, жарко стало, и кто-то залез на подоконник, чтобы открыть форточку. А когда спрыгивал, толкнул кого-то. Тот толкнул другого. Другой следующего...

И заварилась каша...

Злее всех оказались девчонки. Не знаю почему, но так уж получилось. Они сразу же напали на нас и не успели мы сообразить, в чём дело, как между нами и ими разгорелась самая настоящая битва. У нас это часто так бывает – раз! – и все дерутся. А почему и из за чего никто и не помнит.

– Бей их! – кричит самая до битвы вежливая.

– Портфелем её, портфелем! – орёт кто-то из наших.

Пыль столбом!

И, главное, опять всё внимание на Витьку. Теперь тот сразу от четверых отбивается.

Я как увидел, что вокруг такая каша началась, так сразу к двери отбежал, чтобы тыл прикрыть.

– Ну, их... – думаю. – Заденут невзначай – опять ангинить придётся...

И только я так подумал – меня ка-ак стукнут! И именно по шее. Я – брык, да как заорю:

– Перемирие! Перемирие!

Все, наверное, решили, что задавили меня, так как драться перестали. Дышат тяжело и на меня смотрят. И ничего не могут понять. Я поднимаюсь и кричу: «Стойте, стойте! Давайте разберёмся кто первый начал?

– Зачем? – удивляются все.

– А затем, – говорю, – чтоб выяснить первопричину.

– Чего-о? – спрашивают все.

– Следственный эксперимент проведём – вот чего! У меня дядя в милиции работает, так я в этом деле не одну собаку съел!

Вру, конечно, но шея-то болит. Надо же как-то внимание переключить, а то опять сцепятся, и ещё больше накостыляют!

Смотрю – заинтересовался народ. Про Витьку сразу забыли и всё внимание на меня. Приятное ощущение! Окрыляющее!

– Вот сейчас точно узнаем – кто кого первый толкнул, – говорю. – Ему и накостыляем.

– Меня толкнули первую. Я вот тут стояла, а Глобин меня толкнул, – кричит Крапивина.

– Враньё! – говорит Глобин. – Никого я не толкал. Вам девчонкам соврать, как высморкаться!

– Чего-о? – завопили девчонки, и одна как пнёт Глобина по ноге.

– Ах ты, поганка бледная! – кричит Глобин и бьёт книжкой по голове девчонку... да не ту!..

Девчонки визжат и лупят чем попадя Глобина, мальчишки за него вписываются – снова пыль до потолка! И в это время я кричу так, что стёкла дребезжат:

– Стойте, стойте! Мы же следственный эксперимент проводим!

Все опять на меня вылупились. Ангина ангиной, а все-таки, какой силищи у меня голос! Интересно, Шаляпин болел в детстве ангиной?..

– Ну, чего стоишь? Проводи! – говорит Витька.

– Бондарева стояла на подоконнике. Так?

– Ну, – говорит Бондарева.

– Что ну? Залезай на подоконник!

– Зачем?

– Затем, что надо повторить всё, как было.

– А что повторять? Я и так всё помню. Я когда спрыгивала, кого-то нечаянно и задела. Вот так!

И толкает эта красавица Глобина так, что тот на пол падает и, вскочив, бросается на Бондареву, а Крапивина тут же как кошка в шевелюру Глобина вцепляется. Да так, что кажется перья... то есть волосы во все стороны летят. Мальчишки заступаются за Глобина, девчонки за подруг – и пошло, и пошло... Я бегаю от них как можно дальше и ору, что мы же уже всё выяснили. Что разве так можно следственный эксперимент проводить!..

В общем, я до тех пор кричал, пока опять по шее не заработал. Брыкнулся я, как и в первый раз, и ору так же как тогда, а никто уже внимания не обращает. Привыкли! Я ору ещё громче – хоть бы хны! Собрал я тогда весь воздух, который ещё остался в лёгких, да только хотел в последний раз по-шалыпиновски крикнуть, как чувствую, кто-то тащит меня в сторону. Поворачиваю голову – Витька!

– Эх ты! – кричит он мне. – Следовательно несчастный! Лежи тут, а то действительно раздавят!

– Витька! – ору я что есть силы. – Утихомирь народ! Мы же спектакль так никогда не поставим!

– Как утихомирить, как?

– Как-как! Как в спектакле! Пусть извинятся друг перед другом!

– И всё?

– И всё!

– Ну, ты даёшь! – кричит Витька и хватается ножку от стула, который разгрохали ещё до нас.

Подбегает он к отопительной батарее и начнет так колотить по ней, что кажется потолок рушится. Все шарахаются в разные стороны, а Витька кричит:

– Стойте, стойте! Идея есть! Идея! Глобина Бондарева толкнула нечаянно!

– Ну и что? – кричат все.

– А то, что надо как в спектакле! Пусть Бондарева извинится перед Глобиным, Глобин перед Крапивиной. И так по кругу!

– Ещё чего! Стану я перед кем-то извиняться! – тяжело дыша, выговаривает Глобин.

– Извинись, кругляк! – цедит Витька сквозь зубы.

Сморщился Глобин и вдруг как схватит шляпу! Да как сделает реверанс перед Крапивиной, а после неё перед Бондаревой, а после неё...

– Извините! Извините! Извините! – кричит и приплясывает.

Крапивина и остальные девчонки аж в сторону шарахнулись от неожиданности.

Ушам своим не верят...

Витька же времени не теряет.

– Давайте репетировать! – кричит он. – Нужный спектакль, нужный!..

И снова началась репетиция. И хотя опять вся слава досталась Витьке, и он снова был в центре внимания, но я на него не в обиде. Что я без Витьки?

Так...

Комик в жизни...

Алло, зелёные!

Интересная книга – это кошмар!

Если не вовремя.

Не верите?

Ну, так я расскажу, как моему другу попала одна такая, и что с ним от этого сделалось.

Взяли мы как-то в школьной библиотеке по книге, и пошли к Витьке. Я полистал свою – так себе! А Витька как открыл, так словно слепой сделался. То в дерево ударится, то на прохожего налетит. Полдороги пришлось вести его под ручку.

Дома он схватил какой-то сухарь, плюхнулся в кресло и всё! Нет Витьки, хотя он и рядом!

– Давай нормально поедим! – кричу я ему с кухни. – Вон мать твоя сколько наготовила!

Витька и ухом не ведёт.

– Ну что ж, – думаю. – Дело хозяйское...

Поел, как следует, выпил стакан томатного сока, булочку с маком взял и сытый такой в комнату вхожу. Смотрю – Витька, как сидел, скрючившись, так и сидит.

Я осторожно так обошёл его и булочку на вытянутой руке ему к носу подношу.

Витька нюхнул раз, нюхнул другой и, не глядя, булочку цап, – и в рот.

– Ну, – думаю, – совесть моя теперь чиста. Покормил! Можно и за уроки садиться.

Вытряхнул я учебники из портфеля, разложил на столе и смотрю на них этак тоскливо-тоскливо. Вдруг слышу – в коридоре телефон звонит. Только хотел вскочить, а Витька уже там. В одной руке книгу раскрытую держит, а в другой телефонную трубку. Забыл, видимо, что я тут.

– Алло! – кричит. – Да! Я!.. Не-е, не могу... Ну, страшно занят... Ну, как чем? Уроки конечно. Дела домашние. Полы, например, сейчас буду мыть... Да... да... Да какая там стенгазета? Тут вздохнуть-то некогда! Вон пусть Колька рисует... Ну, какой Колька? Барашкин! Бе-е-е! У него папа не то маляром, не то скульптором работает... А, вспомнил! Оформителем работает! Как раз то, что надо! Ну, конечно поможет! Так и скажи: родители должны помогать ученикам, так как современные школьные программы очень сложные... Сложные, говорю!.. Ну, всё-всё-всё! Хватит! А то у меня вода в ведре стынет! Стынет, говорю, вода! Пока!..

Слышу; трубка – стук! – и тишина. Ну, ничего не слышно. Потом грохот, как будто что-то тяжёлое упало и опять тишина.

Я даже похолодел...

Медленно так встаю и как на чужих ногах иду к коридору.

Смотрю – всё в порядке! Витька живой и невредимый на полу сидит и продолжает книжку читать.

– Ну и испугал ты меня! – говорю. – Разве так можно?

– А-а, ты здесь! – отвечает он, не отрываясь. Ну-ну!..

– Что ну-ну? – спрашиваю я.

– Потрясец! – говорит он. – Вот послушай: «Вокруг космического корабля копошились какие-то зелёные бугорки.

– Командор, они же разъедают корабль!

Голос биолога прозвучал в абсолютной тишине. Все с ужасом следили за действиями бугорков, превращающих обшивку корабля из суперстойкого сплава в лохмотья...»

И только я хотел сказать, что всё это хорошо, но пол-то всё равно мыть надо, да и уроки тоже никто за нас не сделает, как телефон опять зазвонил.

– Фу ты! Ну, никак не дают делом заняться! – с досадой сказал Витька и схватил трубку. – Алло! – закричал он в неё сердито и вдруг испуганно ойкнул – Ой, мамуля!.. Да, пришёл... Вот сижу и делаю уроки... Пообедал! Конечно, пообедал!.. И сок томатный выпил... И булочку с маком сжевал... Что сейчас делаю?..

Витька закрыл нижнюю часть трубки рукой и на меня выплился:

– Ты что сейчас делаешь?

– Географию зубрю!

– Географию зубрю, мамуля, географию! – кричит он в трубку. – Про знаменитые путешествия командора читаю...

Я кручу пальцем у виска, а Витька только рукой машет. Мол, без тебя знаю, что говорить! И тут мать его видимо спрашивает: про какого такого командора в географии нашей пишут.

Витька только на секунду задумался и выпаливает:

– Как про какого? Пржевальского! Конечно же, Пржевальского!

Я повернулся и пошёл в ванную.

– Выручу друга, – думаю. – Помою пол.

Ищу ведро и слышу, как он продолжает с матерью разговаривать:

– Да... да... слушаю!.. Пол помыть? Не-е, наверное, не успею. Книга слишком толстая... Ну, какая книга? География, конечно!.. Ну что ты, мамуля, разве я когда-нибудь тебя обманывал?

– Вовремя я за пол взялся, – думаю я, а шёпотом кричу: – Я пол вымою! Скажи, что пол помоешь!

– Пол я вымою, мамуля! Ну да... Шоколадка? Какая шоколадка? Где?.. А!.. Съем! Конечно, съем! Пока!..

Положил Витька трубку и говорит мне:

– Ну, старик, теперь не подведи! Я как эту заразу дочитаю, так в долгу не останусь – три дня за тебя буду полы мыть!

– Ладно, – говорю. – Что нам с тобой делить?

– Нет, – говорит Витька. – Так нечестно!

Сорвался он с места, убежал в комнату и возвращается с шоколадкой.

– На, кушай! – говорит. – Она энергетику увеличивает и улучшает работу мозга!

– Спасибо, – говорю, – но я один кушать не буду. Итак, я уже поел как человек, а ты только сухарь да булочку...

– Ладно, – отвечает Витька и делит шоколадку пополам. – Бери!

Беру я половину шоколадки и иду с ведром в комнату. А Витька сунул свою половинку себе в рот и тут же опять с книжкой на пол грохнулся.

– Вкусно! – говорит. – Где мы тут остановились?.. Значит так... «Надо немедленно стартовать! Включаю двигатели!..»

Бедный Витька! Не везло ему сегодня. Телефон зазвонил снова. Слышно было, как Витька ударил кулаком по полу и схватил трубку.

– Алло!.. Да!.. Узнал, узнал!.. Какой доклад?.. Ты думаешь, что говоришь? Да у меня уже нервное переутомление начинается!.. Ну, как это что делаю?.. Стенгазету рисую! Прямо покоя от вас нет – от общественности! То стенгазету рисуй, то доклад читай, то уроки учи... Нет! Нет и всё!.. Да жалуйся ты, сколько хочешь! У меня вода в ведре стынет!.. Какая вода? Какая надо! Пока!

И Витька уже в третий раз бросает трубку.

– Безобразие! – кричит он и лихорадочно громко читает дальше. – «Двигатели не работали. – Всем немедленно надеть скафандры! – Очередной приказ командора был выполнен в считанные секунды...»

Звонок! Опять раздался звонок!

Слышно было, как Витька рушит что-то от того, что слишком быстро вскакивает и шипит в трубку как удав:

– Шшто-о? Да слышу я, что это ты, Лю-ся! У тебя тоже что-то общественное? Да? Так я и знал! Да что, у нас, что ли других нет? Что вы на меня всё наваливаете? Я уже стенгазету рисую и доклад пишу. Совести у вас нет! Всё! Пока! Что там дальше... Ага! " – Вызываю орбитальный корабль! – На пульте зажглась зелёная сигнальная лампочка. Командор облегчённо вздохнул. Связь работала. Неожиданно Биолог резко дёрнулся и в наушниках скафандров всего экипажа раздался пронзительный крик...».

Звонок! Опять звонок!

– А-ааа! – закричал Витька и схватил трубку. – Алло!.. Мамулечка, милая, ну позвони попозже! Они превращают меня в лохмотья! Я погибаю!.. Ну, как кто? Ну, зелёненькие такие... Ну, лошадки Пржевальского!.. Ой, тьфу ты... Да нет, не зелёненькие, а в полосочку!.. Ой, нет... Ой, мамуля, это не я говорю! Это Биолог!.. Повесила трубку... Сейчас придёт... Придётся вытаскивать учебники...

– Придётся, – говорю я. – Да ты не волнуйся! Я и пол помою, и стенгазету помогу оформить. Дай только посмотреть, что это за шедевр такой мировой литературы?

– Не дам, – говорит Витька. – И сам сегодня больше читать не буду. Смотри, что со мной сделалось! А ты совсем пропадёшь!

И не дал!

В этот раз!

А в другой – мы с ним уже вдвоём прочитали эту книжку с начала до конца. Витька с удовольствием по второму заходу прошёлся. Шедевр – не шедевр, а когда попало и где попало, раскрывать такие книги не советую. Можно и под машину попасть, и шею себе свернуть, и со всеми на свете переругаться. Потому что – не оторвёшься!..

Особый подход

Я к девчонкам всегда относился хорошо. Раньше они как-то этого не замечали и даже, наоборот, – крысились, но с возрастом тоже стали как-то по-человечески в мою сторону поглядывать. Даже с Люськой у меня за последнее время наладились вполне сносные отношения. Может это потому, что мы с Витькой работали, как каторжные, и выбились в ударники, а может и почему-то по-другому.

Вообще-то на Витьку наше ударничество не произвело особого впечатления. Он как был в центре внимания, так и остался. Но зато я просто ошалел от счастья. Теперь я всем всё объяснял, никому не отказывал в помощи и мог рассуждать на любую тему и до бесконечности. Меня тут же обозвали «профессором» и я делал вид, что очень сержусь, а на самом деле просто млел от удовольствия.

Особенно хорошо у меня пошло дело с математикой. Временами получалось даже так, что никто не мог решить задачу или пример, а я – запросто! Ну и естественно, что полкласса, если не весь класс, и списывали у меня. Некоторые так увлеклись, что сами уже и не вдумывались. Ну точно как мы с Витькой когда-то. Позвонят мне, запишут решение и – порядок!

Так было до тех пор, пока Галина Григорьевна – учительница по математике, не узнала. Она тут же вызвала меня в учительскую и такое прописала, что это было хуже двойки за четверть. В общем, списывать я стал давать только Витьке. Ну и ещё кое-кому из мальчишек...

Но сердце – не камень! Перепадало иногда и девчонкам. Они, правда, не обижались на меня и тогда, когда я отказывал, потому что сочувствовали. Знали, что я теперь на контроле и мне в любую минуту может влететь.

Но однажды Наташка и Ленка подстроили ловушку. Вернее придумала Наташка, но это всё равно. Вместе звонили, – значит вместе и придумали. А дело было так... Мне рассказывали потом...

Как-то забегает Наташка к Ленке и кричит прямо с порога:

– У тебя, что с телефоном? Звоню, звоню, гудки идут, а никто не подходит!

– Да я только что пришла, – говорит Ленка.

– А, ну тогда ладно, – машет рукой Наташка. – Ты задачу решила?

– Ещё не бралась.

– И не берись! Всё равно не решишь! Я уже всех обзвонила. Никто не может!

– На переменке спишем. Кто-нибудь осилит, – говорит Ленка.

– Не успеем, – перебивает её Наташка. – Наверняка один «профессор» решил, а он даст списать только мальчишкам. Там такая «куча мала!» будет, что не пробьёмся!

Тут Ленка испугалась.

– Ой-ё-ёй, – говорит. – Галина меня завтра обязательно спросит, а тут ещё и задача...

– Вот что, успокаивает её Наташка. – Я пока к тебе шла, всё продумала. Звоним «профессору»!

– Да ты что! Не получится!..

– Получится-получится! Когда с мужчинами по простому нельзя, то тогда к ним особый подход нужен. Набирай номер!

Ленка и набрала.

Я как раз в это время только-только уроки закончил делать.

Слышу – звонок!

Поднимаю трубку.

– Алле! – говорю и слышу такой ласковый, ласковый и ну совершенно незнакомый голосок:

– Профессор – это ты?

- Я, – говорю я растерянно. – Да не профессор я...
- Профессор, профессор! И не отпирайся! О тебе уже вся школа знает. Как дела-а?
- Ну, – думаю, – какая там школа! Кто-то из наших! Вот только кто?
- А кто это?
- Угадай...
- Вот ещё... Машка что ли?
- Не-а!
- Ну... не знаю...
- Ну... ну... – запинаясь голос. – Это тот, кто тебе больше всех нравится!
- О-о! Сказала тоже... – говорю я обалдело. – Откуда ты знаешь, кто мне нравится?
- Я всё про тебя знаю! – вещает голос. – Знаю даже, кому ты нравишься!

Ну, тут уж я совсем растерялся. Мне, например, нравились многие девчонки. В детском саду мне, например, нравилась одна такая... с большим белым бантом. У неё ещё такая фамилия была привлекательная – Красутская! В первом классе сразу две и, кажется потому, что они отличницы были и их все хвалили. В следующих классах... Ну, в общем, в одном этом году мне нравилась в сентябре одна, в октябре другая, а в ноябре я даже растерялся – сразу четыре! Так что это могла быть... Ну, кто-то из них! Но вот кому я нравлюсь – это конечно... Поэтому я, не задумываясь, выпалил:

- Кому?
- Ну... – замылся голос. – Это не телефонный разговор... Нам надо встретиться!
- Ого! – подумал я и обрадовался.
- Вот что... – продолжает голосок. – Мы с тобой в кино сходим. У меня тётя контролёром работает. Сейчас как раз её смена. Пойдёшь?
- А фильм-то, какой? – спрашиваю я лишь для того, чтобы с мыслями собраться.
- Кинокомедия. Американская. Дети до шестнадцати лет не допускаются!
- Нормально, – думаю, а вслух машинально так говорю: – Бесплатно, что ли?
- Конечно!
- Иду!
- Тогда через полчаса у кинотеатра «Казахстан». Договорились?
- О, это же рядом! – восклицаю я и думаю, что если даже обманет – не придёт, так просто прогуляюсь, подышу воздухом.

Но тут этот ласковый голосок торопливо так и очень досадливо выщербивает:

– Ой, подожди, совсем забыла! Я же сейчас не могу. Я математику не сделала! А там такая задачка... Мне её так быстро не решить...

Как я не догадался, что меня разыгрывают элементарно – ума не приложу. То ли на уроки всё соображение потратил, то ли ещё чего, но помню только, что закричал с досадой в трубку:

- Ерунда какая! Бери скорее ручку! Я тебе продиктую!.. Взяла?
- Взяла-взяла... – говорит голосок так безразлично, что и тени сомнения во мне не шевельнулось. – Диктуй!..

И я всё выкладываю...

Под конец промелькнула всё-таки мысль, что что-то тут не то, но пока в трубке не расхохотались, я так ничего и не сообразил.

– Ой, какой ты молодец! – услышал я очень знакомый такой Ленкин голос. – Большое спасибо!

И Наташка тоже не выдержала и добавила:

– А о том, кто тебе нравится и кому ты нравишься, мы расскажем тебе в следующий раз! Пока!

Вот так-то!

Девчонки потом всех обзвонили и решение сказали. А я в тот раз как раз ошибся. Так что у всех эта ошибка и оказалась. Скандал был – знаменитый!

И всё-таки интересно, кому же это я нравлюсь?

Не может же быть такого, чтобы никому?

А?..

Юность бушует, как вешние воды...

Веселье было – знаменитое!

Утро первого дня

Некоторые любят говорить, что когда они были детьми, то были глупые, а вот теперь, мол, поумнели. Не знаю – может быть у кого-то и так, но мы с Витькой никогда не были дураками. Особенно – он! Это я говорю не для того, чтобы выпятиться, а так оно и есть. И в этом повествовании, когда нам шарахнуло аж по пятнадцать, нас трудно было принять за несмышлёнышей. А дело было так: позвонила нам Зинаида Петровна, учительница по русскому и литературе, и предложила в виде поощрения за наши с Витькой успехи по её предмету отдых на лето в пионерском лагере, где она уже месяц работала директором. Не по путёвкам, конечно, так как наш возраст уже перевалил за детский, а помощниками к воспитателям и вожатым. Мы, конечно же, согласились. Тем более что лагерь находился в горах, а «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал!». Знали бы мы, что нас ждёт – ни за что бы ни поехали! Впрочем, это относится только ко мне, а не к Витьке. Его сразу же взяли в самый младший – седьмой отряд. И не для того, чтобы он сопли вчерашним детсадникам подтирал и на горшки их рассаживал, а чтобы папой был. Мужской пример им показывал! Там были две симпатичные молоденькие вожатые и толстая добродушнейшая педагогиня лет пятидесяти. В общем, Витька попал в рай, а меня направили напрямик в ад – в самый старший отряд – в первый! Но ад получился потом, а в начале встретил меня здоровенный накаченный воспитатель – преподаватель физкультуры в какой-то школе на большой земле. Он как увидел, что я почти в два раза мельче его питомцев, так сразу успокоил.

– Не дрейфь! – сказал он мне. – Будешь жить как за каменной стеной! Будешь у меня вроде как ещё один отдыхающий. Вроде как мой родной сынок. Кушай, плавай, загорай, занимайся физкультурой и всё! Мы тебе мышцы тут подкачаем! Оздоровим тебя!

Подкрепила нас Зинаида Петровна на кухне, так как общий завтрак уже закончился, и отправила знакомиться с лагерем и его окрестностями.

Ну что на лагерь смотреть? Хотя, конечно, он был не простой, а ведомственный – зимой санаторий для слепых и слабовидящих, а летом место отдыха для их детишек. То есть и закрытый бассейн с подогревом воды был, и корпуса капитальные, и спортплощадки, и концертный зал и тренажёрный и... Да что там говорить – чистый Артек!

Поахали мы с Витькой и в ущелье углубились. Лагерь прямо в начале его находился. Ущелья и название было такое интригующее – «Монахово». Там когда-то какие-то монахи в пещерах жили. Красотища неописуемая! Папоротники в рост колышутся, горной малиной и земляникой тропинка усыпана, вода в речушке хрустальная – каждый камешек как драгоценный сверкает и разными цветами переливается. Мы даже далеко ходить не стали – так на малину да на землянику набросились, что и не заметили, что на обед пора. Если бы не звуки горна, то, наверное, до вечера паслись бы. И хотя вроде бы с самого утра мы только и делали, что жевали, но пообедали на всю катушку и с преогромным удовольствием. Кормёжка тут была тоже обалденно-ведомственная!

Вышли мы из столовой, – Витька уже со своим желторотым отрядом, а я со своим. И только я начал подниматься вслед за ребятами к своему корпусу, как навстречу Зинаида Петровна.

– Ты, – говорит, – не спеши. Заметил, что твоего воспитателя на обеде не было?

– Нет, – говорю, – не заметил.

– Вот! Это потому что он отряд отдисциплинировал сразу, как приехал. У него что-то с матерью случилось, и он уехал, а ребята всё равно ведут себя так, как будто он тут. Так что не волнуйся, – сегодня ты один переночуешь, а завтра, если он не придет, я временно сниму кого-нибудь с других отрядов и потом привезу замену из города. Ознакомься с расписанием и – вперёд! Ты теперь Тимур, а отряд – твоя команда!

Тихий час, вечер и первая ночь

И началось... Ну то, что на тихом часе никто не спал – это ладно. Не малыши всё-таки! И, главное, действительно, было тихо. Все распределились по группкам и кто в шашки резался, кто книжку читал, кто в картишки перекидывался – кто чем занимался. И никто не шумел! Я прямо удивился такому. К девочкам я не заходил, так как они заперли дверь и что там делали – не знаю. Но, опять же, тишина была необычайная. Зинаида Петровна тоже только подошла к корпусу, постояла и, подняв большой палец правой руки, пошла дальше. Единственное, что меня задело, так это то, что никто не обращал на меня никакого внимания. Как потом я узнал, все думали, что я действительно сынок воспитателя.

Но после тихого часа я развеял их заблуждение. Позвал Зинаиду Петровну, и мы с ней уточнили "Ху из ху!". То есть – кто есть кто! Она сказала, что если кто-то не будет меня слушаться, то мигом из лагеря вылетит, так как смена перегружена лишними путёвками именно моего отряда и она имеет полное право на отстрел нарушающих дисциплину. Я тоже строго так посмотрел и вздрогнул. Такие три лба стояли напротив, что ой-ё-ёй! А один даже с уси-ками и намечавшейся щетиной. И смотрели на меня эти орлы не как на хотя бы равного им хищника, а как на дичь. А девчонки... Красотки, чёрт побери, как на подбор! Аж во рту пересохло от волнения... Но я виду не подал, а сразу же после ухода Зинаиды толкнул речь о центризме. О том, что вся вселенная так устроена и поэтому ещё не сгнула, к чертям собачим. Сказал, что я буду у них вроде солнца, а они – моими планетами, которые должны подчиняться моим законам притяжения и баллистики, а все мы – законам лагерной галактики. Сказал, что хотя мы и почти что ровесники, но короля делает окружение, и поэтому, если они не будут делать из меня короля, то, ни мне, ни им удачи не видать.

Парни рты раскрыли от удивления – особенно эти трое, а девочки взвизгнули от удовольствия.

– Король ты, наше солнце! – пропела одна, и на неё зашипели.

– Хорошая реакция! Правильные девочки! – подумал я.

И только я это подумал, как другая спрашивает:

– А фрейлины будут?

– Какие фрейлины? А-а! Нет! Фрейлины у принцесс и королев бывают, а у короля и герцогов – фаворитки! Да причём здесь это? Я про короля для примера сказал, чтоб понятнее было.

– А-а, – дурашливо протянули сразу две.

Но клички ко мне сразу прилипли. Я для них как липучка для мух. В детстве, например ко мне, что только не прилипало! И «Профессор» я был, и «Дефорж», и "Горбоносый Ганнибал" и... В общем, – привык! Могло бы прилипнуть и что похуже...

Ужин прошёл более или менее гладко. Единственное, что меня сразу насторожило, так это то, что трое усатых за две минуты съели свои порции и смели у соседей ещё по одной. И никто не возмутился! Наоборот, – те, кто остались без ужина, молча и безропотно убрали за ними посуду.

– Уголовка! – мелькнуло в голове.

Но тут меня позвала Зинаида и начала инструктировать по поводу завтрашнего дежурства моего отряда по лагерю и в столовой. Я расписал – кто, где будет дежурить и, несмотря на протесты группы усатого, записал их дежурными по столовой. Пусть, думаю, повкалывают!

Ночью меня привязали к кровати, обмазали зубной пастой и оставили записку – "Будешь выступать – уроем!". Удовольствие, доложу я вам, стандартное для лагерей, но совсем не стандартное для того, кому оно выпало...

Дежурство

Развязал меня часиков в четыре утра врач – худой такой вчерашний выпускник медицинского института. Он помог мне стереть пасту и попросил помочь дотащить в медпункт огромную флягу со спиртом.

– Для дезинфекции всего лагеря на все сезоны! – подмигнул он мне и плотоядно потёр шею...

Спал я, как и полагается воспитателям, на веранде. Поэтому трудно было сообразить, кто меня так профессионально и крепко связал и измазал. Интуиция, правда, и тут не подвела – команда усатого!

Вряд ли я с ними стал бы связываться, если бы был простым пионером, но положение обязывало. И когда утром я начал на потеху всем безрезультатно бегать за одним из них, чтобы заставить его подметать территорию, то вдруг понял, что обычными методами тут не справиться. Плюнул я, сел на крылечке и стал ждать. Наконец усатый набегался и довольно смело присел рядом со мной. Два других вяло мели самодельными вениками вместе с остальными ребятами неподалёку.

– Будем биться или будем мириться? – спросил я.

– А чё нам с тобой делить? – ответил на вопрос вопросом усатый.

– Правильно мыслишь! Зови своих бандитов, и пойдём куда-нибудь в тихое место. Поговорим! Чтоб остальные ребята не видели.

– Идёт! – обрадовался усатый и я понял, что верный курс взял.

– Вам сколько лет, мужики? Я никому не скажу – говорите правду! – спросил я, как только мы уединились.

Парни помялись-помялись и выложили, что им как и мне по пятнадцать, а усатому даже больше, и живут они в одном дворе, а их слепенькие мамы-одиночки подделали документы, чтобы пристроить в такой шикарный лагерь.

– Вот! – обрадовался я, не обратив внимания на враньё насчёт слепеньких. – Значит, вы обязаны не давить малявок, а, как и я, организовывать их. А светиться вам лучше моими помощниками, чем моим противникам! Сделаем так – вы будете вроде бы как рыцари круглого стола короля Артура. То есть неформальными вожатыми. Сегодня наш отряд дежурный. Следите за порядком! А я буду вас прикрывать в случае чего и льготы там всякие делать вроде дополнительных порций или ещё чего. Идёт?

– Идёт! – сказали акселераты-переростки, и колесо отрядной жизни завертелось.

Витька не одобрил мою политику.

– Нельзя идти на поводу у шалопаев! – сказал он. – Ты бы сразу подошёл ко мне – я бы их мигом задавил!

– Война не лучший способ для консенсуса! – сказал я.

– Чего-чего?

– Согласия, согласия!

– А-а! Вот посмотришь, – сядут они тебе на голову своими консенсусами!

– Как сядут, так и слезут! Не сегодня-завтра будет воспитатель.

– Жди! – ухмыльнулся Витька.

Но я если дал слово, – никогда его не нарушу! Поэтому не стал говорить Витьке, что эти амбалы наши ровесники и в лагере незаконно находятся. И что с троими он вряд ли справился бы. А с воспитателем действительно что-то не ладилось. Те, которые в лагере, наотрез отказались идти в первый отряд, а от физкультурника ни слуху, ни духу. Зинаида куда-то звонила, с кем-то ругалась, но всё без толку. "Держись, – говорит, Тимур! Атаманом будешь! И чтобы никаких ЧП!".

И только она это сказала, как девочки приводят одного из моих с расквашенным носом.

– Куда вы его привели? В медпункт ведите! – говорит Зинаида.

– Да он хотел что-то вам сказать, – говорят девочки.

– Побили что ли? – догадывается Зинаида и так брезгливо на пацана смотрит.

Он как словил этот взгляд, так и выбежал.

– Вы видели, как его били? – спрашивает Зинаида девочек, и они отрицательно машут головами.

– Значит, упал, и на этом – точка! – А ты смотри – следи за этим!..

Это она мне сказала, и я понял, что жаловаться и скулить не придётся. Я – в столовую, а который с носом – уже там, и кровь уже перестала идти, и он помогает девочкам на столы накрывать.

– Да он посуду мыть не хотел! – сказал усатый.

– Ну, мы его немного и простимулировали, чтоб другим неповадно было...

Я конечно при людях мораль прочитал о том, что это не лучший способ, а сам подумал – эффективный, чёт побери! Отозвал я амбалов и говорю им:

– Если кто-то из пацанов слушаться не будет, приводите его ко мне, и я буду с ним авторитетно беседовать. Если он кобенится, – я отворачиваюсь, щёлкаю пальцами, а вы его слегка обрабатываете. Потом опять щёлкаю, вы останавливаетесь, и я поворачиваюсь. И так до тех пор, пока результат не будет положительным. Но, конечно, без свидетелей. И чтобы никакой уголовки! А тем более – беспредела. Никакой крови и синяков! Психологическое давление через приемлемое физическое! И всё под моим контролем! Самостоятельно никого не лупить! Чтобы никаких сюрпризов! Не бравируйте своей силой! Это и так всем видно. Скромно себя ведите, скромно! И трудитесь наравне со всеми! Это, и порядок, – вызывает настоящее уважение. Подходит?

– Подходит! – говорят амбалы. – Умный ты мужик! Настоящий авторитет!

Вот так...

А что мне было делать? Я же не Макаренко или Ушинский какой-нибудь! А результат требуется как от них!

Мда-а...

Дежурство прошло без сучка, без задоринки. И когда Зинаида начала нас хвалить, я попросил её в виде подкрепляющего стимула разрешить на другой день провести моему отряду тихий час не в корпусе, а на природе. Всё равно никто не спит, а где-нибудь на полянке я лучше закреплю свой авторитет и проведу ряд педагогических бесед.

В общем – мероприятие!

Подумала, подумала Зинаида и, невероятно, но разрешила.

Аль Кепоне

На другой день, сразу после обеда, мой отряд взял одеяла и бесшумно и незаметно для лагеря прошёл на полянку, которую мои рыцари присмотрели ещё утром.

То, что мне разрешили нарушить один из самых важных режимных моментов, действительно, подняло мой авторитет очень и очень.

Один Витька был недоволен и на всякий случай увязался за нами.

Я был не против, так как запланировал просто позагорать на солнышке. Кто-то загорал, кто-то по землянику отправился – я не возражал. Пусть, думаю, привыкают к напряжению и расслаблению под моим руководством.

И всё бы было хорошо, если бы на эту же полянку не вышел Аль Кепоне со своей внучкой. Так старшего воспитателя окрестили мои подопечные, за то, что он каждый раз, когда входил в столовую, громко требовал всем снять головные уборы, а сам свою кепку не снимал. Он работал в каком-то филиале общества слепых парторгом, а в лагерь приехал, чтобы отдохнуть с маленькой внучкой. Ну и видимо, чтобы не выглядеть нахлебником и паразитом из песни «Интернационал» взял себе должность старшего воспитателя. Ему бы не лезть никуда, да не мешать, а жить себе потихонечку – так нет! Надо же, как и партия, изображать кипучую деятельность для очистки совести! Вот он и изображал. Везде свой нос совал, и шумел как бешенный. Я думаю, он только мешал Зинаиде. Но не она его ставила – не ей было его и убирать!

Вот он и выкатил на полянку, да как выкатил, так с открытым ртом и застыл.

Мы тоже замерли...

Вот тут Витька и отличился.

Он не стал ждать, когда Аль Кепоне раскричится и зайдёт так далеко, что обратно самому будет трудно вернуться. Витька подскочил к нему и сразу же примял, сказав, что это незапланированное мероприятие, но согласованное с Зинаидой. К тому же он что-то проверял ему о подготовке к вечеру по экологической защите окружающей среды, Гринписе и всякому тому подобному и очень внушительному.

Аль Кепоне одурело, но облегчённо вздохнул, и мы с Витькой поняли, что вся эта партийная бодяга в действительности ему самому до фени. Что он мужик, наверное, не такой уж и глупый, но положение обязывает... Мы сразу указали ему на самые земляничные места, а девочки подхватили малышку и повели обоих туда. Видимо навели они их правильно, так как следующие два дня Аль Кепоне и его внучку мало кто видел в лагере.

Но через два дня у ребёнка началось расстройство желудка, приехала мать малышки и забрала её.

Аль Кепоне помрачнел и шибко на наш отряд окрысился. Как будто бы мы были виноваты! Стал требовать всяческие развёрнутые дополнительные планы мероприятий, да подробные почасовые отчёты чуть ли не за каждый шаг каждого пионера. Ну, просто завалил бюрократией! Но что совсем было невыносимо, так это то, что он вроде как бы взял шефство над моим отрядом, но кроме слежки ни черта, ни делал. С ребятами вообще не разговаривал. Только со мной и всё! Посадит меня рядом с собой и пошёл – та-та-та-та-та, та-та-та-тата!..

Уже и Зинаида несколько раз пыталась его перенацелить куда-нибудь, но тут как заело!

Так прошло ещё два дня, и было бы так всегда, если бы Аль Кепоне не прицепился к команде усатого. Он сразу заметил, что они слишком активно командуют, а должностей никаких не занимают. Ни звеньевые, ни председатели – никто!

Это было явно не по-партийному.

Ну и усы главара тоже видимо начали наводить нашего партийного мафиози на правильные мысли. Через меня он попытался кое-что разнюхать, а когда ничего не вышло,

начал вербовать амбалов под своё партийное крыло. Но они притворились простачками и под конец послали его не очень далеко, но всё-таки не в столовую, а как раз наоборот...

Рванулся Аль Кепоне к Зинаиде, треща на ветру своим сереньким китайским рабочим костюмчиком "А-ля – пятидесятые годы!" из тонкой самой дешёвой материи (кепка была из того же материала и тоже серая), а та оглушила его недовольством других воспитателей. Он их тоже вконец замучил своим занудством. Да ещё и с поварами разругался. Да ещё и рабочим, что плохо достраивали что-то в лагере, угрожал милицией (это всё я потом узнал).

В общем, – допрыгался наш старшой!

Утром в лагере начался переполох и крики. Прямо в центре линейки стояла кровать, а в ней мычал и бился привязанный намертво почти голый Аль Кепоне. Кляп из грязных носков был им уже наполовину вытолкнут изо рта, но основная часть ещё не давала нужного простора для голоса.

Видимо как он спал, так его и спеленали...

Наш корпус находился на горе прямо за линейкой и обзор, и слышимость были замечательные. Сначала сквозь поднимающийся туман обозначилась трибуна с флагштоком, потом кровать с Аль Кепоне, а потом и суetyающиеся около него взрослые силуэты.

Несколько минут его пытались развязать, но ничего не получалось.

Наконец кто-то прибежал с ножиком и верёвки перерезали. И только потом вспомнили о кляпе, от которого Аль Кепоне сам и освободился окончательно. Слёзы градом катились из его партийных глаз, а грузное тело сотрясалося от беззвучных рыданий. Жалкое зрелище, но результат радостный – больше в лагере его никто не видел. Так и запомнился он мне – в семейных трусах ниже колен и с трясущейся лысиной.

Да, чуть не забыл! Впопыхах никто не посмотрел вверх, но когда к подъёму флага на линейке выстроился весь лагерь, то обнаружилась кепка Аль Кепоне. Она болталась на верхушке мачты.

Веселье было – знаменитое!

Весь сезон кепка висела над флагом, так как взрослые отказались лезть на такую верхотуру, а детям Зинаида тем более не разрешила.

Но заподозрила!..

Правда, команда усатого клялась всем, чем только можно, что не такие они дураки, чтобы подвергать свою жизнь смертельной опасности из-за какой-то драной кепки.

Я-то не сомневался в том, что это они избавили лагерь от партийного мафиози, но и мне мои чёрные рыцари лагерного стола не признались. Тем более что рабочие, которых Аль Кепоне напрягал, оказались-таки с каким-то уголовным прошлым, и милиция приезжала раза три по их души.

Педагогика изнурения

Победа над Аль Кепоне долбанула по акселератам, да не в мою пользу. Теперь у них всё время горели глаза, и усы главного, казалось, топорщились от жажды деятельности. Эту бешеную энергию надо было куда-то направлять, чтобы не порушили эти орлы того, чего не надо. Думал, я, думал, с Витькой советовался, но так ничего и не надумал. У Витьки такая была расслабуха, что видимо и мозги размякли. Он только и бубнил – давить и давить! Такой сталинец – зашибись!

Наконец я решил подуспокоить моих чёрных рыцарей измором.

– Вот что, – сказал я им. – Как пообедаем, беру вас на скалолазание. Отряд оставляем на председателя отряда и звеньевых (это конечно же были самые красивые девчонки!) и – вперёд!

Я знал, что без этих усачей никаких ЧП не будет. Тем более что к нашему корпусу теперь даже Зинаида старалась не подходить. Я её, кстати, предупредил, что пойду на тихом часе с пацанами на разведку, так как, завтра, ожидаются гости из другого лагеря и им надо будет показать самые лучшие окрестные места. Обычно этим делом занимался физрук и другие взрослые, но я убедил её, что большего любителя и потомственного специалиста по горам в лагере нет. Соврал, конечно, но она разрешила.

Опять разрешила!

– Ну, – думаю, – берём вершины!

И мы полезли!

В целях измора я выбирал самые трудные маршруты и тропинки и, конечно, довыбирался.

Нет, с орлами всё было в порядке!

Это я чуть было в пропасть не свалился!

И главное, пацаны были рядом, в двух метрах выше по скале. А я распластался на камне и с каждым вдохом соскальзывал вниз.

Уцепиться было не за что – камень был гладкий и круглый как лысина Аль Кепоне. Не то, что крикнуть – шепнуть было невозможно.

Так продолжалось, казалось, вечность.

Наконец усатая голова появилась в поле моего остановившегося зрения.

– Загораешь? – спросила она и осеклась – рожка у меня была жуткая.

– Король падает! – выкрикнула голова, и я всхлипнул...

Успели пацаны!

Кто-то из них лёг на живот и протянул мне палку. Два других держали его и постепенно я выполз. Но я вам скажу, скользил я вниз после всхлипа хоть и медленно, но непрерывно, и когда схватился за палку, то ноги уже болтались в воздухе.

Потом мне классически было плохо и пацаны держали меня, и гладили по голове, и растирали уши...

– Разведка? – спросила Зинаида, когда мы вернулись в лагерь.

– Ещё как! – бодро ответил я. – Гости будут довольны!

И я не соврал – ребята и сопровождающие их взрослые из расположенного в долине лагеря «Огонёк» получили массу высокогорных радостей.

И, конечно, не таких, как я...

Да меня с ними и не было! Сопровождали группу туристов мои чёрные рыцари и Витька, а я отсыпался от стресса. Ещё в детстве врачи сказали моему драгоценному папе, который один растил и воспитывал меня, что моё спасение, счастье и лекарство от всех болезней – сон!

Два дня после этого мои спасители были спокойны, но на третий опять занервничали. Это сразу отразилось на отряде, и я запланировал для следующего их изнурения поход в долину с купанием в парковом пруду маленького городка Талгар.

Сразу после завтрака мы и пошли. Не все – человек восемнадцать! Строем, с песней и неподдельным энтузиазмом.

Зинаида так прониклась уважением и доверием ко мне и моему отряду, что даже не спросила – куда мы! И хотя до пруда было километров пятнадцать, но я рассчитывал к обеду успеть. Километров семь шли дорожные работы, и я договорился с водителем грузовика, который возил рабочих на работу, на обед, опять на работу и домой в их палаточный лагерь, подбросить нас по пути туда и обратно на этом отрезке пути.

Пришли мы к пруду, разделись и начали плавать и загорать. Всё спокойно, тихо, с дисциплиной и по часам (надо было успеть к машине!).

И так было до тех пор, пока одна девочка не нырнула и не наткнулась на утопленника. Визг, крики, суматоха!..

Оказывается, на берегу гуляла компания, и никто из этих улитых не обратил внимания на то, что одного из них уже давным-давно рядом нет.

Вытащили здорового мужика с огромным животом на берег и ну его откачивать, а он уже синими пятнами пошёл... И хотя и «скорая» приехала, и точки какие-то ему давили, и чего только не делали, но всё без толку.

Усатый ещё хорохорился и даже поплавал немного, но у остальных аппетит пропал напрочь.

В лагерь возвращались почти что молча, и все как один в тихий час спали. Даже усатый как бухнулся в кровать, так и его еле разбудили к полднику.

Не только меня, оказывается, сон лечит...

Марш апофеоз

Следующие дни были относительно спокойные. То мы опять дежурили, то к мероприятиям готовились, то весёлые старты, то футбол, то итоги сезона, то...

Да, забыл сказать, что и физрука у нас не стало. Тот тоже как однажды уехал, так и не приехал. Прямо беда какая-то! Утреннюю зарядку для всего лагеря Витька проводил, а спортивные игры, костры и всякое такое – мы с ним вместе. Ну и команда усатого принимала самое активное участие, а за ними и все остальные. Витька даже зауважал их и на меня стал смотреть как на гения. Зинаида же тем более на нас прямо чуть ли не молилась и полномочия наши и доверие к нам росли с каждым днём.

Ещё бы!

Такие дыры прикрывали...

И мордобития в лагере прекратились совершенно! Чёрным рыцарям они были больше не нужны – итак все слушались, а в остальных случаях они сами выступали как третейские судьи. Это те, которые добиваются справедливости и мирят конфиденциально – то есть не прилюдно и не официально. И я особенно не вмешивался. Тем более что мой авторитет в отряде был как у Бога – невидимый, но абсолютный! Бандюги его и держали на должном уровне! Взаимовыгодное соглашение! Я им дал на определённых условиях их свободу и авторитет – они мне мой комплект! И в последний раз чёрные рыцари отметили одного субчика уже под самый конец сезона. Я расскажу об этом подробнее, так как дальнейшие события хоть и косвенно, но были с этим связаны.

Однажды вечером, незадолго до отбоя, чёрные рыцари притащили ко мне на воспитание невзрачного такого и тишайшего пацана. Весь сезон в лагере кто-то совершал всякие пакости, и никто не мог его поймать. Причём пакости были не осмысленные и целенаправленные, а лишь бы нагадить. Создавалось такое впечатление, что кому-то это само по себе доставляло наслаждение.

В общем, – патология!

Рыцари божились, что это не они, и я им верил. Они сами сбились с ног, ища извращенца.

И вот – привели!

– На нашем чердаке заловили гада! Гадил уже поближе к окошку. Весь чердак засрал падлюга! Он и по лагерю гадит! Нагадит и наблюдает, как кто реагирует. Помните, клей кто-то разлил у столовой? Целое ведро, да в траве, чтобы незаметно было! Он это! Кайф ловит, сучара! На нас тень бросает, сраль поганый!.. – наперебой выпалили рыцари, сопровождая свою речь тычками.

– Да не я это, не я!.. – гнусавил тихушник.

– А я-то думаю, что это такое – в последнее время как пахнёт на веранде «фиалками», так хоть выбегай! – ощерился я и, щёлкнув пальцами, отвернулся.

– Бум-бум-бум-бум!..

Я опять щёлкнул пальцами и повернулся.

– Ну?

Ты или не ты?

– Не я...

Щёлкаю пальцами и отворачиваюсь.

– Бум-бум-бум-бум-бум!..

Щёлкаю и поворачиваюсь.

– Ну?

– Не я-а!..

Отворачиваюсь и щёлкаю.

– Бум-бум-бум-бум-бум-бум!..

– А-а! Падлы! Я вам ещё в постели насру!..

Я повернулся и от неожиданности даже забыл щёлкнуть пальцами. Морда у тихушника шла красными пятнами, он весь дёргался, а тумак сыпался и сыпался.

– Всё ясно! – сказал я. – Пусть выскоблит всё, и отмое до блеска! И учти, – обратился я к извращенцу, – если ещё что-то заметим, то и после смены будем тебя пасти...

И я ушёл под благодатные в данном случае звуки тумачков и криков.

– Логично! – прокомментировал случившееся Витька. – В тихом болоте черти водятся! Вот только руками убирать я бы его не стал заставлять. Это уже слишком...

– Да не говорил я этого! Это они сами придумали! И пусть! Кто с мечом придёт – от меча и погибнет!..

Гибнуть начали мы!

После этого "тихушного фекалия" что-то сдвинулось в желудочно-кишечную сторону.

И раньше небольшие расстройства то у одного (или одной), то у другого были, но теперь пол-отряда начало без конца бегать в туалеты. Пацаны даже придумали игру такую – как только кто-то хотел пускать газы, он кричал: "Спичку! Спичку!" и, после грохота и вспышки, несколько человек запевали:

– "Я Земля! Я своих провожаю питомцев! Сыновей, дочерей! Долетайте до самого солнца, и домой возвращайтесь скорей!"

Винюшник торжества, как встречаемый землянами космонавт, вытягивался во фрунт и, отдав честь, маршировал по кругу (а за ним все!), выпеая:

– "Долетим мы до самого солнца, и домой возвратимся скорей!"

Ура-а! – орали все и ждали следующего старта.

Я вначале грешил на извращенца, но нет – тут он был ни причём. Яблочки! Зелёные яблочки, урюк и всё остальное, которое пацаны в изобилии таскали в палату и себе и девочкам – были причиной. Я, конечно, сразу провёл беседу, но тут же понял, что это ерунда. Надо было придумать что-то поэффективней. И я придумал!

– Фрукты все хотят кушать? – спросил я как-то вечером, когда расстройства пошли на убыль.

– Все-е! – заорали все.

– Помните, когда мы шли купаться на озеро, то по левую сторону, прямо под седловиной (это такая огромная последняя гора перед долиной с двумя горбами) были молодые сады. Это не простые сады, а мичуринские. И там некоторые ранние летние сорта уже созрели. Завтра девочки дадут пацанам навозочки – ну куда будем собирать урожай – и организованно "Идём по ягоды!". Так будет называться мероприятие.

– Ура-а! – снова заорали все.

Утром, опять же сразу после завтрака, спрятав навозочки за пазуху, девять самых отборных и надёжных пацанов, и авангардная тройка построились попарно и, неожиданно заревев, "Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает!.." затопали из лагеря.

Я с биноклем одной из девочек шёл сзади. Пол-лагеря высыпало поглазеть на это очередное слишком организованное шествие. Зинаида только спросила: "Куда?" и, услышав громовое коллективное: "По ягоды!", удовлетворённо махнула головой и даже помахала нам рукой.

Машины не было, и до седловины нам пришлось идти быстрым шагом, периодически переходящим в бег. Все перестроились в одну шеренгу и довольно весело продвигались к цели. По пути сплошь да рядом попадались дички, но я строго настрого запретил их трогать.

Иногда пацаны не выдерживали и тогда (тоже строго по моему разрешению) кто-то один срывал яблоко и, надкусив, тут же выплёвывал.

Наконец, мы пробежали мимо дорожных рабочих и их техники и остановились у подножья седловины или как её ещё называли – "Верблюда".

– Мне светиться нельзя! Поэтому я буду с горы наблюдать за вами в бинокль, а вы идите в сад и не трясите все деревья подряд! Пробуйте, а потом трясите! И следите, чтобы объездчик вас не заметил! – сказал я и полез на гору.

Сад был, как я уже говорил, молодой и сверху очень хорошо просматривался. Особенно в бинокль. Конечно, пацаны не строго следовали моим наставлениям, так как и сами были с усами. Набив наволочки первыми попавшимися съедобными яблоками и грушами, они обнаруживали, что на следующих деревьях растут гораздо более спелые и вкусные и вытряхивали первые и набивали наволочки вторыми. Ну, прямо как в сказке "Огниво"!

Чем дальше в лес, тем больше дров!

Жадность и азарт делали своё дело и через какое-то время грабители не видели ничего, кроме всё более и более обильной добычи. Я понял, что влип. Ситуация вышла из под контроля и развязка была неизбежна. И когда я увидел скачущего к ним на коне одноглазого объездчика с деревянной ногой и в чапане (это такая огромная казахская шапка-ушанка), то почувствовал слабость в своих тоже деревенеющих ногах.

Подскочив, объездчик начал стегать пацанов нагайкой и в первые секунды все бросились врассыпную.

Но вдруг всё переменялось!

Я этот момент не успел захватить, и увидел уже лежащего на земле объездчика и уса-того, стегавшего его, его же нагайкой. Второй орёл держал в руках дробовик, а третий поймал лошадь и снимал с неё свёрнутую в кольца верёвку.

Бедный аксакал (а это был пожилой инвалид – ветеран войны) орал что-то неслышное мне, но явно не джентльменское и катался по траве. Он пытался вскочить, но деревянная нога была не на его стороне.

Наконец, так же профессионально, как и раньше, мои бандиты связали ветерана и, воткнув ему в рот ухо от чапана, начали собирать разбросанные высшего сорта фрукты и пацанов.

Ко мне все прибежали счастливые и возбуждённые донельзя с полными наволочками.

– Чего радуетесь, уголовнички? – охладил я их восторг. – Мало того, что мы крали селекционные яблоки и груши, так вы ещё и совершили нападение на представителя власти находящегося при исполнении своих обязанностей!

Плохо было наше дело, а моё тем более! Из традиционного невинного ребяческого набега на сады оно приняло совершенно криминальную форму.

Но если бы я знал, как действительно всё обстоит, то тут же сам бы побежал развязывать аксакала. Чёрные рыцари по своей диверсионной привычке хоть и воткнули ветерану в рот чапан, но в горячке не обратили внимания на то, что нос у него почти что не дышит. То ли там аденоиды были, то ли травма какая-то военная, но когда на наше счастье его обнаружил кто-то из очередных грабителей урожая, он был уже синий и без сознания.

Но это мы узнали потом, а сейчас я сразу понял, что будет дальше и тут же выработал план дальнейших действий.

– Свидетелей кроме меня не было, но без милиции теперь не обойдётся! Поэтому что? – сказал я.

– Ни колоться, ни в коем случае! – рявкнули рыцари.

– Правильно! Вас не было! Мы были совсем в другом месте – рядом с лагерем. А то, что похожи на бандитов, так это показалось в горячке, – сказал я. – И в любом случае я вас выгораживать не буду, а совсем наоборот. Буду вас ругать, но это понарошку.

Чтобы видели, что я на стороне аксакала. Это такая тактика. Чтобы всё спустить на тормозах. Так что не хорохорьтесь! Спектакль играем все вместе. Плечи согнули, головы опустили, слезу кающуюся пустили! Так и стойте пока всё не закончится. Повинную голову меч не сечёт! А сейчас бегом к машине! Будем подвозку кланчить! Это хоть и дохлое, но алиби по времени. Пешком туда и обратно мы бы никогда не успели к обеду!

– Ну, ты – голова! Авторитет из авторитетов! – сказали мои пионеры.

Я только сморщился, хотя честно скажу – приятно! Я хотел ещё, чтобы они выбросили фрукты как улику, но пацаны наотрез отказались. Цена трофея была слишком велика, и они уверили меня, что припрячут всё, а потом незаметно по частям пронесут в лагерь.

И мы побежали...

– Хорошо погуляли? – спрашивали рабочие, глядя на наши осунувшиеся лица.

– Ага! – дурашливо отвечали мы и нервно подхихикивали на ухабах.

Как только мы вошли в лагерь, я направил ребят мыться и переодеваться, а сам с усатым пошёл в медпункт. После фляги с, похоже, контрабандным спиртом врач был мой лучший друг. Он сразу всё понял и, хотя и сказал, что брить тут нечего, но всё-таки для конспирации проскоблил пацану заметное пятно усов и редкую, но тоже очень заметную (потому что чёрную) щетину.

В общем, когда в лагерь ворвался тоже "чёрный воронок", который на самом деле был синего цвета, мы были во всеоружии.

Боже мой! Как ругался ветеран! От самого воронка и до пионерской, куда всех, кто был за территорией лагеря в этот день, собрала Зинаида, он вопил и матерился и по-русски, и по-казахски, и, даже иногда по-немецки.

Милиционеры и Зинаида пытались объяснить ему, что вокруг дети, но где там! Аксакал стучал протезом и поливал всех и вся и, пытавшихся утихомирить его, милиционеров тоже.

Вот это, в основном, и спасло нас.

Моих пацанов, конечно, выстроили для опознания и я сразу же, как только нам рассказали, что натворили они, перехватил инициативу.

– Мерзавцы! Негодяи! Вы чуть не убили заслуженного человека, – кричал я, совершенно не притворяясь и искренне. – Он спас Родину от фашистов! Он прошёл всю войну, огонь, воду и медные трубы, чтобы вы могли сладко спать, есть и в волейбол играть, а вы за какие-то паршивые яблочки напали на него, как на врага! Патриот и герой, он без глаза и без ноги пошёл работать объездчиком, чтобы концы с концами свести, а вы, сытые здоровенные бездельники, ещё и плёткой его избили!

– Да не мы это... – неуверенно начал побритый, но я прервал его.

– Вы, вы! Молчите! Кто кроме вас мог такое сделать! Знаю я вас! Недавно с бензином чуть весь лагерь не спалили! Факиров изображали! Огнём плевались! Я не хотел рассказывать вам это, Зинаида Петровна, но вот вынудили! Как только эти фокусники успели прибежать к обеду и не вспотеть? Расстояние-то немаленькое...

Зинаида тут же всё сообразила, и тот час включилась в игру. Тем более что сразу заметила, что усач без усов и щетины. Ну и то, что вся моя команда в белых парадных рубашках и алых пионерских галстуках – это само собой! Ей-то эта бодяга не нужна была ещё больше чем нам.

– Это что ещё такое? – начала она. Да мы их в колонию! Мы их на нары! И родителей, хоть они и слепые, заставим штраф выплачивать всю оставшуюся жизнь! Проглядели бандитов! Пусть теперь горбачатся за этих недорослей! Вы их точно узнаете? – обратилась она к аксакалу. – Одежда, особые приметы, родинки, причёски!..

И так далее и тому подобное.

То я поливал моих сокольников чем, только мог и указывал на особые приметы, то Зинаида.

И пацаны вели себя замечательно. Они точно следовали моим инструкциям, а инвалид не мог и слова вставить. Он ещё стучал деревянным протезом, пробегая туда-сюда перед пацанами, но было видно, что растерялся. Тем более что у одного из рыцарей неожиданно совершенно естественно потекли из глаз слёзы. То ли он действительно инвалида пожалел, то ли актёр в нём проснулся гениальный.

Милиционеры же кайфовали.

Им эта музыка и спектакль были как свадебный марш Мендельсона и обряд бракосочетания.

Наконец пришла пора окончательного опознания.

Мы с Зинаидой очень профессионально заземлили и свели на нет пыл и истерику аксакала и, если он вначале опознал моих бандитов сразу и чуть было не набил при нас им морды, то теперь очень сильно засомневался. Отсутствие усов, отглаженные белые рубашки и галстуки тоже начали работать.

– Эта не она... наверная... – начал он неуверенно и с сильным акцентом, когда мы умолкли. – Та с усы была...

– С усами? – очень удивилась Зинаида. – Дети с усами?

– Да... И рубашке... и майке... Нет, это не она!

Милиционеры облегчённо вздохнули, и тут вошёл доктор, который обещал мне помочь своими медицинскими средствами и всю эту трагикомедию наблюдал из-за дверей.

Он подозвал Зинаиду и что-то шепнул ей на ухо.

– Ага, – сказала Зинаида и на всякий случай обратилась к пацанам. – Ваше счастье, что не вы! Идите в столовую, а после тихого часа мы ваши факирские штучки обсудим! А вас, уважаемые, я попрошу задержаться. Тут наш молодой доктор рекомендует всем кое-что антистрессовое и лекарственное. Да и пообедаем заодно...

После столовой я решил ещё раз заглянуть в пионерскую, да так и замер на полпути. Веселенькие и сытые милиционеры, смеясь, тащили к воронку под ручки пьяного в дугу и совершенно счастливого аксакала, который разухабисто громко пел что-то на своём родном казахском языке...

Любовный отлуп

Каждый, кто прочитает эти записки, подумает: "Чего это он только прозу жизни транслирует? Где любовная лирика? Возраст-то самый что ни на есть подходящий! стыдно, что ли признаться в своих ранних поражениях на этом фронте?". стыдно – не стыдно, но это дело интимное, и тут поражения часто оказываются по прошествии времени ещё благоприятнее, чем победы. Возьмите романтику! Она в основном – сплошные разлуки, неразделённые чувства, муки одиночества и творчества, непреодолимые трудности, недостижимые с кондачка горизонты, всякие щемящие чувства и так далее и тому подобное. А без романтики – что за жизнь? Дважды два – четыре! скука! Поэтому я, конечно, скажу пару слов на эту тему, но особенно распространяться не буду.

Ещё с младенчества я был очень влюбчивый и поэтому сразу же с первого дня влюбился в одну девочку из моего отряда. И это естественно! Мало того, что она была красива (в моём отряде, как я уже говорил, девчата были как на подбор!), но ещё и воспитание у неё было грузинское. То есть почтение и уважение к мужчине как врождённое! Говорят, что ещё японки как только увидят желанного, так и твердят ему: "Моя господина! Моя господина!..". И если бы я был рядовым членом отряда, то может быть любовь и завязалась бы. Но я-то был за воспитателя! То есть каждый мой шаг отслеживался и был известен всем и у всех был на устах. Это такое горе, что и не передать! Приходилось быть не таким, какой есть, а таким, каким надо быть, чтобы другим неповадно было! Особенно я предупредил моих акселератов, которые тоже с первого дня уронили свои бешенные буркалы на красавиц и не скрывали этого.

Бедные руководители партии и правительства!

Каково им-то?..

Вот и приходилось тайно вздыхать и стараться быть хотя бы поближе к ней.

После лагеря я отыскал её, но это уже другая история и тоже романтическая...

Уже где-то к концу сезона я решил поделиться с Витькой своей бедой.

– Везёт тебе! – неожиданно с завистью сказал он. – А меня мои студентки прямо замутили. Тянут в кусты без всякой лирики. Всё время намекают...

– Ну, ты счастливее! И тебе не стыдно жаловаться на изобилие? Поделится бы со мной для опыта!

– Бери хоть обеих! Эти девчонки ко мне с детства липнут. Прямо хоть топись! Не нравятся они мне! Вот ты мне всегда нравишься! А какая у тебя кожа бархатная! Так и хочется погладить! Можно?

– Гладь! Мне-то что...

Витька погладил мою левую щеку, потом правую, а потом взял и поцеловал в губы.

– Мама моя родная!

Я отскочил как ошпаренный...

Жизнь – это самый серьёзный предмет...

Благодарю тебя, Господи, за трудности, которые я в силах преодолеть!

Опять вляпался!

Чем старше становишься, тем меньше хочется писать. Одно время хоть дневники чиркал, а теперь и это не хочется. Тем более что высасывать из пальца и выковыривать из-под ногтя и красить и полировать его дело не мужское, а правда вещь беспощадная и часто очень даже для здоровья вредная. Поэтому, чтобы не сдохнуть преждевременно, приходится дозировать по каплям.

Да я бы и не записывал, но столько вокруг вранья и всяких идиотских фантазий под идеологической, религиозной, детективной, любовно-эротической и всяческой другой наркотой, что тошнит до невозможности.

Страшно что-то ещё придумывать!

Плеснуть в эту муть чистой воды просто необходимо! Хотя бы для того, чтобы самому окончательно не отравится...

Есть мистика или нет – не знаю. Но вот сказал Витька "Хоть топись!" и утонул не в переносном смысле, а в самом что ни на есть натуральном. В каком-то паршивом искусственном пруду какого-то винсовхоза.

Ужас!..

Это уже после лагеря было.

Что я пережил – не передать! Такого друга мне больше никогда не найти! Как будто половина меня утонула вместе с ним.

Как это произошло, никто до сих пор точно не знает, но одни говорили, что на спор пацаны плавали и Витька спас двоих, а сам утонул. Другие говорили, что он сам делал рекордный заплыв и утонул.

Воду из пруда начали спускать и в двух метрах от берега его обнаружили.

Чуть-чуть не дотянул!

Типичная история!..

У меня такой стресс был, что я ушёл из школы и в медицинское училище поступил.

Чтобы, мог спасать людей, если придётся...

Спасать надо было меня! Я и тут, вляпался по самые уши. Кто бы мог подумать, что встретит меня сплошная зубрёжка. А я и зубрёжка – две вещи несовместимые. У меня ассоциативная память! Это такая поганая штука, с которой запомнить-то что-то и запомнишь, но ничего никогда не выучишь, и ни в какую систему не впишешься.

К тому же я попал в первый набор курса фельдшеров-лечебников, а учебников ещё не было. Вот и учились по учебникам для медицинских институтов. То есть даже анатомию зубрили на латыни и досконально. Из этого бреда я только одно название запомнил на всю жизнь и то кажется неточно – стерна-клеяда-мастоидеус. Что означает, по-моему, грудино-ключично и ещё там какая-то сосцовая мышца.

А когда дошли до фармакологии, то это вообще была полная труба! Там на одних дозах с ума сойдёшь. Вместо двух нулей один поставишь и можно оркестр заказывать. Сдал только благодаря шпаргалкам. Ими снабжали всех сокурсники – Смурыгин Вовка и Татур Славка. Они сидели в очередь на корточках на карнизе второго этажа, а девчонки поставляли им в

ведре на швабре не только рукотворные шпаргалки, но и вырванные страницы из учебников и конспектов. Причём чуть ли не рядом с окнами учительской и завуча...

Такая вот экстремально-отчаянная почта – ты отправляешь записку с вопросами билета – тебе ответ.

Зато уже к концу учёбы во мне обнаружился талант диагноста. Даже не помня точно симптомов той или иной болезни, я ставил диагноз на раз и в точку. Педагоги удивлялись, но двойки всё равно ставили.

Диагноз-то я поставить мог, а вот лечить – чёрта с два!..

Сельхозудовольствия

В начале каждого учебного года нас отправляли на уборку табака в подшефный табак-совхоз. Ну и первый год тоже интересно начался. Только поступили и всех как баранов погнали. А куда было деваться!..

Сели мы в грузовые машины с открытым верхом и – вперёд! Ветерок засвистел, и вдруг как грянул бабий унисон! Да так дружно, как будто бы эти противоположнополюе с этой песней и родились:

Расцвела сирень в моём садочке.
Ты пришла в сиреновом платочке.
Ты пришла и я пришёл.
И тебе и мене хо-ро-шо!

Я такого русско-украинского примитива никогда не слышал. Папаня у меня был из старорежимных интеллигентов, и такая пацанья херня к нам не залетала.

Но мне понравилось!

Соответствовало простому сегодняшнему бурному сексуальному пробуждению!

Отцвела сирень в моём садочке.
Ты ушла в сиреновом платочке.
Ты ушла и я ушёл.
И тебе и мене хо-ро-шо!

Ну, это совсем по правде жизни было!

Расцвела сирень в садочке снова.
Ты нашла, нашла себе другого.
Ты нашла и я нашёл.
И тебе и мене хо-ро-шо!

А это вообще, – в точку и перспективу!

Только эту песню отгрохали, как следующую, ещё более невероятную по примитиву заорали. Да ещё и на мотив "Мы идём по Уругваю!":

Джон в Америке родился,
Джон в Америке живёт,
Джон в Америке женился,
Джон в Америке умрёт!

Джон Кеннеди, Джон Кеннеди,
Джон Кеннеди ча-ча-ча!
Джон Кеннеди, Джон Кеннеди,
Джон Кеннеди ча-ча-ча!..

Ну, сельхозработы... Сами понимаете... Это только вьетнамцы, корейцы, тайландцы и тому подобные азиатские сельскохозяйственные таланты погружаются в них как в нирвану. А бездарные избалованные европейские граждане только стонут и мучаются.

Девчата сели под навесы и нанизывали себе листья табака на бечёвки, да по две нормы – самые талантливые, а мы, как мужская гордая сила, кто в грузчики подался, кто...

Вот эти вторые «кто» – были мы трое. Один всё время, как он говорил, "Из протеста!" коноплю растирал в ладонях и пытался накарябать смолу на папиросочку. Второй без всякой наркоты, как китайский болванчик, только улыбался и хихикал. Ему вообще вся жизнь была "по барабану!".

Ну и я – ветеран ангин и других интеллигентных заболеваний, таскать пятидесяти-килограммовые мешки с табаком просто не мог. Один раз попробовал и понял, что скорее сдохну, чем что-то заработаю. Вскинули мне на плечи это никотиновое богатство, и я зигзагами, и всё больше склоняясь к земле, побежал к грузовику. У самого борта я рухнул носом в землю и на меня минут десять тряпками махали. Так что, сами понимаете, – выбора особенно не было.

Да и лёгкие работы мне были не по зубам. Попытался я нанизывать табак на бечёвку, но куда мне было до наших восточных красавиц! И на кормёжку не заработал.

Поэтому сбились мы – отбросы производства и жизни, и организовали стройбригаду "Ух!", которая вроде бы рыла канавы для полива, а на самом деле периодически фланировала перед девчатами с ломом на плечах. Этим мы как бы намекали на скрытую от государства, но всегда готовую на интимные подвиги мужскую силу. Ну и пели, конечно, для поддержки духа:

Не хотим мы тратить свою силу
И работа нам идёт не в жилу!
Нам табак весь опротивел
Из терпенья нас он вывел.
Я в гробу работу эту видел!

Этот шедевр, конечно же, я накорякал!

Залили мы всё что надо и не надо, и так как не особенно следили за водой, то направили нас выбирать землю из парников.

Работа самая что ни на есть потогонная. Пару дней лопатами поковыряли и плюнули. И по пол нормы на душу не выработали.

И тут наш наркоман, который всё бродил и бродил в поисках кондиционной конопки, набрёл на прошлогодние, уже вычерпнутые парники.

Мы тут же смекнули "чё почём" и, разрыхлив землю в этих парниках и на кучах выброшенной, бог знает когда земли, потом весь день загорали и рассказывали друг другу байки про баб и космические перспективы страны.

В конце рабочего дня приходил учётчик, и только языком щёлкал – по две нормы и больше на брата выходило! Он, конечно, что-то подозревал, но куда ему было против нашего нахальства! Да и в этих совхозах такой бардак был, что никто не помнил и нигде в документах нельзя было найти, что было сделано в прошлом году и где, а уж в позапрошлом – тем более. А пространства – до самого горизонта! За день не обскакать на коне!

Но это работа, а отдых...

Как-то наши амбалистые товарищи-грузчики решили себе досуг устроить среди недели. Там какая-то проблема с грузовиками была. Ну, а у нас пауза в работе – постоянное и святое дело. Наркоша, конечно, опять по коноплю двинулся, второй дебил спать завалился, а я увязался за передовым трудовым отрядом на совхозный пруд.

Расположились мы на бережку, поплавали, и стали думать как бы ещё интереснее досуг провести.

– Видите лодку на том берегу, – говорит Исса Аблай Исабаев (Борька). – По-моему она не на привязи.

– Точно! – подтверждает Самурай (Смурыгин Вовка).

– Плывём! – кричит Татур Славка – большой лирик и будущий замечательный врач (к нему, как и ко мне, никакое прозвище в медучилище не прилипало), и все трое наперегонки бросаются в воду.

И вот мы уже в лодочке, как какие-нибудь дворяне, по озеру рассекаем. Я с Славкой природой люблюсь, камышами, а двое остальных только уточками да гусочками, в огромном количестве рядом плавающими.

– Надо вёслами их глушить, а потом шеи сворачивать! – слышим мы, и первая утка тут же летит нам под ноги.

– Крутите ей голову, крутите! – орёт Исса.

– Да вы чё? – орём мы с Славкой. – Что мы, – живодёры, что ли?

– Ну, чистоплюи, хреновы! Пожрём как люди и других накормим! Сворачивай им шеи, Самурай, а с вёслами я сам справлюсь!

Ни слова не говоря, Самурай кидается к нам и, рыча, крутит шеи уже двум уткам.

И в это время на косогор того берега откуда лодка выбегает мужик с двустволкой и пуляет то ли в воздух, то ли по нам. Исса уже не глушит уток, несколько штук которых вокруг лодки бултыхаются вверх лапками, а остервенело гребёт к берегу.

– Держи! – теперь уже орёт Самурай и суёт мне в каждую руку по две утиной шеи. – Беги через кукурузу на кухню и отдай их нашим поварихам! А мы лодку отгоним подальше и шмутьё соберём!

И я побежал...

Пол кукурузного поля отмахал в горячке и вдруг почувствовал, что руки отпадают. Шеи у уток тонкие, а сами-то они ого-го какие! Даже без печатей сразу видно, что не совхозные, а частные! А тут ещё соображение заработало – как это я буду в мокрых трусах и с четырьмя утками через посёлок бежать? Ну, явно подставили меня дружки-товарищи. Улики мне, а сами за тряпками. Положил я бедняжек в самой кукурузной гуще у канавы для полива и пошёл к корпусу недостроенного четырёхэтажного здания, где нас разместили.

Обида просто раздрает!

Подхожу к зданию, а парни уже там.

– Куда уток дел? – спрашивают.

– Спрятал. Вечером принесу, герои!

– Да ты чё? Мы еле успели смыться! Всю дорогу бежали как сумасшедшие!

– Да ладно, ладно! – махнул я рукой, а сам подумал, что бывают попутчики, собеседники, знакомые, приятели, товарищи, а друзья практически никогда.

Правда, Славка как-то стыдливо потупился и погладил меня по плечу, но Бог и ему судья!

Лишь только вечер затеплился синий, сунули мне в руки фонарик и – вперёд! Кукуруза под два метра и выше. Джунгли! Мы когда на сборе кукурузы работали, часто делились на две группы и по голосам пуляли початками. Как в кого попало – тот и выбыл. Иногда, если по голове, то почти вправду.

Так вот лазил, лазил – нашёл! Но не четыре, а три. Одна уточка очухалась и ушла. Нам потом местные рассказывали, что она хоть и со свёрнутой шеей, но приковыляла к родному дому. Хозяин её посокрушался, посокрушался, да в тот же вечер и зажарил.

Но там-то покушали, как следует, а нам готовили часа три на сиротском, угасающем ещё с ужина, огне и так и не прожарили. Правда все хавали – и ничего, а вот меня два дня несло в той же густой кукурузе. Весь грех на меня упал. Сидел я орлом, смотрел на шелестящие верхушки стеблей и думал:

– За что, а?..

Дальше, всё интересней и интересней! Только от уток очухался, как тут же другая история приключилась.

То, что я с детства был очень любопытный, это почти у всех есть. Но то, что на своей шкуре всё проверял – это не у каждого. Табака высушенного вокруг – море, и мы и сигарки скручивали и огромные сигары, но лишь один я додумался проверять какой кайф от нюханья его, родимого. Ну, это видимо опять же оттого, что слишком много читал. Там в исторических романах все аристократы только и делают, что табак нюхают. Да ещё из драгоценных табакерок вынимают...

Растёр я листья в труху и начал внюхивать. Эти, – которые себя дружочками называют, сгрудились и подначивают: "Давай, давай!". Ну, я и даю! Минуту нюхаю – никакого кайфа! Вторую, – ни черта! Даже не чихается, о чём подробно и восторженно в литературе написано. Парни говорят – табак высший сорт. Эффект должен быть.

И тут я чувствую, что косею. Кумар начался!

– Мужики, – говорю. – Точно как от пол-литры вина эффект.

– Да ты чё? – радуются орлы. – За пол-литру платить надо, а тут дармовой кайф под ногами! Давай, давай!..

– Что-то тошнит. И голова кружится...

И тут меня как начало полоскать, так все отскочили метра на два. А из носа столько табачных столбиков повыскакивало, сколько и представить никто не мог. Труха трухой, а не заметил, как кучу втянул. Где это добро поместилось в носу – не знаю. Впрочем, шнобель у меня отменный...

– Никотиновое отравление! – кричит Славка. – «скорую» вызывайте!

Ну, «скорая» – не «скорая», а два дня опять пролежал...

– Знаешь что, – говорят парни. – сегодня вечером мы пойдём виноград тырить. Мускат! Иди с нами! Отвлекись немного, а то просто жалко на тебя смотреть. Дело налаженное – успех гарантирован. Нас местные поведут и ещё из сельхозтехникума ребята.

– Слава Богу – проснулась совесть! – подумал я и освободил наволочку от соломы, которой и матрацовки были набиты вместо ваты.

Кто в детстве совершал набеги на соседские или колхозные сады, тот знает, какое это удовольствие. Кое-что в этом плане я уже описывал. Но то, с чем я встретился тут, было больше похоже на сокрушительную партизанскую операцию или забойное комсомольское мероприятие. Во-первых, на детей мы уже сильно не смахивали, а во-вторых, количество желающих полакомиться было... Я до сих пор не знаю, да никто и не подсчитывал, сколько нас шло с рюкзаками, наволочками от подушек и прочей тарой. Луны не было, и только звёзды слабо обозначали силуэты, топающих по совхозным кушарам след в след. Да ещё и по пути следования, то справа, то слева, к длинной шеренге всё время, молча и бесшумно, присоединялись новые и новые тени, и это были явно не студенты.

Наконец кто-то из местных распределил нас по рядам виноградника, и мы начали на ощупь собирать урожай. Я не буду описывать тугие и упругие как девичьи груди гроздьё винограда – это дело смакуется ещё с библейских времён, но жадность, с которой я их дёргал и запихивал в наволочку, была почти что эротическая.

И вдруг кто-то из наших схватил меня, и, прижав к земле, заткнул липкой ладонью рот. Только что всё поле мягко шелестело и вот всё замерло.

– Что за херня! Вроде ветра нет... – пробормотал прямо над моим ухом старческий голос и, повернув голову, я увидел на другой стороне кустов силуэт сапога.

– Бабах! – грянуло у самого уха и что тут произошло-о!..

Весь виноградник вздыбился!

Это все одновременно вскочили и бросились бежать в одну сторону, а бедняга сторож упал и пополз в другую.

Он даже ружьишко своё выронил и, как мы потом узнали, искать ночью побоялся. Утром его принесли в сторожевой шалаш уже первые законные дневные собиратели винограда, среди которых наверняка были и ночные.

И, конечно, у всех всё в порядке, только у меня от такого стресса ещё не очень окрепший от всех предыдущих хохмочек желудок опять не выдержал и всю оставшуюся ночь, и всё утро я снова прятался в кукурузе...

Отыскал меня Самурай.

– Валяй домой, – сказал он. – Не в коня корм тебе здесь! Да ты не переживай – мы тебя прикроем. Исса уже ведёт переговоры с шефом. И ещё это... Ребята твой чемодан доверху виноградом набили. Ты же свой урожай на поле оставил. Смотри, ешь осторожнее! При твоих делах виноград всё-таки не очень... Хлебом закусывай!

Хотите – верьте, хотите – нет, но только я это услышал, так сразу и выздоровел. И лопал уже дома этот самый вкусный и сладкий в своей жизни виноград за обе щеки и без всякого хлеба.

Дар проклюнулся!

Началась учёба и, как вы уже в курсе, грустная началась жизнь.

Для меня!

Когда не своим делом занимаешься, то и заболеть можно!

Но мне повезло. Сначала в медучилище пришла Лидия Дмитриевна Попова для добора парней на постановку самодеятельного спектакля "Волшебный факел". Предполагалось, что медики – народ интеллигентный да и с нашим директором у неё были очень дружеские отношения. Я, конечно, был в первых рядах и добровольно, так как уже имел опыт, и дали мне роль князя, а остальных загнали в постановку угрозами и льготами. Но в дальнейшем никто не пожалел. Кто-то был бессловесным стражником, кто-то нечистой силой, шипящей и гавкающей, кто-то волшебным добрым деревом, а кто-то просто восставшим против эксплуататоров народом. Практически все парни первого курса были задействованы.

Моя супруга по спектаклю – очаровательная десятиклассница, на мои восторги по поводу её неземной красоты только морщилась и говорила, что её от таких малявок, как я, тошнит. Потом мы узнали, что она уже тогда была беременна и впоследствии в срок родила очаровательную малышку.

Каждый вечер мы собирались в одном из Домов пионеров и бесились и бренчали на пианино гораздо больше, чем занимались делом. А всё потому, что Лидия Дмитриевна жила в этом же Доме пионеров в полуподвале и всё время убегала по хозяйственным делам к своей маленькой дочке.

Эти счастливейшие вечера так заряжали, что я даже лучше стал учиться. Память какая-то нормальная появилась! Но спектакль был поставлен, с большим успехом сыгран на сцене Дома культуры и всё! Кончилось счастье!..

Зря я так думал! Где-то на небесах программа уже была включена, и теперь Божий перст ткнул меня прямо в макушку. Позагорал я на солнце без головного убора и попал в инфекционное отделение с менингитом. Потому что ещё и клещи перед этим кусали не раз.

На энцефалит подозрение было...

Три дня голову раскалывало от невыносимой боли и такие радужные калейдоскопы крутились перед глазами, что ужас! Температура тоже зашкаливала. Жарко было как в топке. Я находился на грани жизни и смерти, но когда взмолился и пообещал высшим силам за выздоровление то подвижничество, благодаря которому вы эти строчки сейчас читаете, то на пятый день вдруг выздоровел.

И тут началось...

Везде зазвучала музыка. Да не простая, а симфоническая. Причём, я мог промычать или просвистеть каждую партию любого инструмента. Вначале я думал, что это звучат провода, или ещё что-то, но потом обнаружил, что музыка звучит отовсюду, а точнее – из меня! И хотя моё музыкальное просвещение было практически нулевое, но интуитивно я сразу заподозрил, что таких шедевров ещё никто не написал.

Получил я очередную стипендию (двадцать рублей!) и помчался покупать гитару, чтобы хоть как-то можно было воспроизвести то, что звучало так красиво и могуче.

На гитару денег не хватило, а рядом лежала красивая и всего за восемь рублей скрипка. Купил я её, принёс домой, натянул струны и, весь дрожа от нетерпения, провёл смычком.

Тишина!

Ни звука!..

– Брак! Опять подсунули брак! – понял я, но на всякий случай побежал к знакомому отца, у которого была скрипка.

Тот улыбнулся и натёр смычок канифолью...

Только я выучил до-ре-ми-фа-оль-ля-си, так сразу стал записывать мелодии своих симфоний. Это было похоже на зашифрованные наскальные записи первобытного человека. Проиграть написанное мог только я.

И вдруг... голос прорезался!

То есть не совсем с потолка, так как я и в детстве пел "У дороги чибис, у дороги чибис!.." и всякое такое. Но тут где-то на втором курсе я как-то открыл рот, а оттуда такая иерихонская труба завывала, что я, аж присел.

Ну, это я вам скажу!.. Такое ощущение, что ты – Бог! Ну, только что не было и вдруг!.. На одной низкой ноте даже стёкла в окнах начинали дребезжать, а зубы готовы были выпрыгнуть. А тут – Новый Год! Я и выбежал в горячке на сцену и бодро так и очень громко начал: "Рисует узоры мороз на оконном стекле!..". Все аж замерли от моей невероятно звонкой оглушающей неожиданности...

Я ещё поднажал и всё...

На верхней ноте захлебнулся!

Баянист в одну тональность, в другую – без толку! Я был в таком шоке, что сориентироваться не смог. Потом долго разные специалисты выясняли, то в самодеятельности, то в консерватории, то в филармонии, то ещё бог знает где – бас у меня, баритон или драматический тенор.

Похожая история произошла с моей родной тётушкой. Только удар сверху был не с плюсовой температурой, а с минусовой. Она в пять или шесть лет как-то заблудилась и замёрзла. Когда её нашли и отогрели, то у неё открылся дар видения сначала прошлого, а потом и будущего.

Будучи ещё ребёнком, она в игре с подругой схватила её за руку и, впад в транс, начала рассказывать со всеми подробностями историю о кораблекрушении, где её папа был капитаном. Но главное, она сказала, что её папа приедет через три дня.

Через три дня, пропавший без вести два года назад, папаша приехал...

К студенческим годам тётушка уже научилась произвольно входить в транс. Сокурсницы иногда пользовались этим, но время было атеистическое, училась она в медицинском институте, потом была партийной...

Залавливала она эту свою способность как могла, никому о ней не распространялась и, в конце концов, успешно почти задавила. Иногда эти транссы ещё накатывали, но всё реже и реже.

Как-то ей прислали из Канады альбом со снимками развития раковых клеток в разных стадиях и прочим материалом по профилю её диссертации, но сопроводительное письмо задержалось. А через два дня защита. Задрожала моя тётушка от нервного напряжения и вдруг увидела весь материал, да ещё и переведённый на русский язык...

И в последний раз, уже восьмидесятилетняя, проходя мимо киоска с продажей лотерейных билетов лото-спринт, она неожиданно указала парню, покупающему билет не на тот, который он взял, а на другой. Парень купил, развернул билет, а там "Москвич-412"...

Мда-а...

Так вот голос-то появился и на скрипке я даже кое-что своё выпиливал, а зубрить надо было не квинтовый круг, а "Внутренние болезни", "Акушерство и гинекологию", "Венерические болезни" и тому подобное совсем не музыкальное ассорти.

"Нет романтизму! Закуска не та!.."

Мужиков у нас было не больше пяти на группу и мы инстинктивно держались дружной кучкой. Тем более что женская часть состояла из разновозрастных гражданок. Некоторым было, как и мне, по пятнадцать-шестнадцать, а некоторым по тридцать лет, а то и больше. К тому же кто-то и в колониях уже посидел и ожесточился и огрубел очень и очень. И многие считали каждую копеечку. Стипендия же была, как я уже говорил, – двадцать рублей! Это столько же раз в столовой как следует пообедать. И то, за экзаменационную тройку её отбирали. А где-то подработать было очень трудно – днём учёба, а вечером практика в больнице. К тому же многие снимали углы в частном секторе. Да и в лохмотьях не походишь! Выглядеть тоже надо по-человечески – девчонки всё таки!..

Однажды поймали одну хронически голодающую девочку за кражей стипендии у кого-то и такой самостийный трибунал устроили, что она от позора и стыда убежала и где-то на разъезде у своего нищенского дома бросилась под поезд. Её ещё волокло километров десять, и такое кровавое месиво было, что еле опознали. Лучше бы милицию вызвали и в колонию запекли...

Мда-а...

Толпа – это страшная и, в основном, разрушительная сила! И я это ощутил на себе тоже. Не люблю я распространяться насчёт лирики и её беспощадных ударов, но без этого трудно будет понять мотивы дальнейших моих «фокусов», спровоцировавших гнев толпы.

Не знаю как у других, а у меня интерес к дамскому полу всё разрастался и разрастался, а дальше романтизма – никуда! Все эти «Айвенго», "Женщины в белом", "Джейн Эйры", Фениморы Куперы, Майн-Риды и тому подобная сладкая чушь и застольный бред забили мне мозги с детства так же как Тому Сойеру, но у того уже в детстве подружка была – Бекки Тетчер, а у меня, в основном, только вздохи. Для меня все дамы были вроде бы как инопланетянки. И вдруг этих инопланетянок вокруг – море! Самых разноцветных и разновозрастных! И толку – никакого! Вроде бы в меду сидишь, а попробовать – ни-ни! И почти все заводят романы на стороне, а на нас, сокурсников, смотрят лишь как на бесполок подружек. Все их тайны для нас – откровения, и мы главные советчики в их амурных делах и модных приговорах. А нам – шиш!

Раздразнили донельзя!

Ну, остальные парни читали, наверное, меньше и потому быстро устроились. По той же так презираемой мной схеме "Дважды два – четыре!". И то не в своём родном коллективе, а на стороне. А меня эти «Аэлиты» чуть было до половой неврастении не довели.

Чтобы не заболеть, плюнул я на их инопланетное происхождение, да так плюнул и озлобился, что слишком! То одну хлопну по попке, прилюдно, то другую...

Доигрался до того, что девчонки схватили меня как-то на большой перемене, затащили в пустую аудиторию и чуть было не лишили детородной перспективы. Вроде бы в шутку, но в коллективном азарте всякое бывает, и я перепугался ого-го как. Всё-таки медички!.. Да и то, что среди них есть бывшие уголовницы, не очень утешало...

Вырвался я, с трудом отдышался, и какое-то время вёл себя пристойно.

Но тут грянуло очередное сельхозудовольствие. А как я уже говорил, наше медучилище ежегодно шефствовало над табаксовхозом. И там каждый раз после работы наступал волнующий вечер.

Парни надёргали девчонок из работающего рядом с нами сельхозтехникума и из местных и разбрелись кто куда. Кое-кто из наших дам тоже в благословенную темноту не в одиночку углубился. Один я как перст туда-сюда шастаю среди оставшегося медового улья и облизываюсь, и злюсь всё больше и больше. Типичные вечные "страдания юного Вертера",

но уже на другом историческом отрезке и в других декорациях, ситуациях и материале. Поэтому злюсь не только от того, что на голодной диете нахожусь, а и от того, что я, полный романтики и тончайшей духовной организации, с дулей в карманах хожу, когда одноклеточные благополучно нетрудно и вкусно размножаются. Да и раздражало ещё то, что слишком уж гордо ходят этикие вроде бы недотроги и почти литературные по виду Ассоли, а сами только о самцах думают, а не о Грехах.

И вот, наверное, для того, чтобы показать всем действительную сущность этих воздушных созданий, я снова начал прилюдно презрительно хлопать их по упругим попкам. Ну и, конечно, опять дохлопался...

Наша группа жила в одном из отделений табаксовхоза в почти достроенных коттеджах. Это большой зал и три небольшие комнатки. В зале на матрацах располагалась основная женская половина, в двух небольших комнатах, тоже на матрацах парни, и в одной, на нормальной кровати педагог. В том коттедже, где жил я, нас парней было шестеро, а дам – человек восемнадцать.

И вот в один прекрасный послерабочий вечер парни как всегда приффраерились, наодеколонились и только собрались на свидания, как кто-то из дам им и крикнул:

– Тащите вашего шутника-юмориста! Допёк он нас! Мы с ним сейчас разберёмся! Мы его сейчас посватаем! Тут сразу три не против!..

– Ура-а! – заорали парни и, думая, что это одна из очередных молодёжных игр, бросились ко мне.

Меня как волной холодной обдало!

Я сразу всё понял!

Тем более что опыт уже был...

Но моё отчаянное сопротивление парни приняли за кокетство и, дружно оторвав от пола и подняв над головами, как ленинское бревно, понесли к залу.

– Мужики, вы что? Они же из меня сейчас фарш сделают! – заорал я. – Ножик хоть дайте для защиты! Ножик!..

– На! – сказал кто-то и тоже в шутку сунул мне в руку увесистый складной нож.

Дверь распахнулась, и, казалось, тысяча женских рук вцепились в меня. Вырвав у парней, они втащили меня в зал, и тут же с оглушительным ударом дверь захлопнулась, и увесистый крючок заблокировал её.

Парни оторопели.

Это уже была явно не игра, и они начали стучать и требовать моей выдачи.

– Мы вам его девушкой выдадим! – крикнул какой-то прокуренный сиплый голос, и я выдернул лезвие ножа.

– Ножик! У него ножик! – раздался визг, и агрессивная масса отшатнулась.

Я метнулся в свободный угол зала и, почувствовав спиной защитный тыл стен, выставил нож. Человек шесть разгорячённых далеко не юных и некрасивых баб тяжело дышали в метре от меня. А одна, самая азартная, делала рывки, но свист лезвия отбрасывал её.

– А ну, откройте немедленно! – раздался за дверью требовательный голос.

Крючок откинулся и, растерянно улыбаясь, вошла педагог – хирург Татьяна Петровна. Она тоже думала, что то, что происходит – игра.

– Ножик! У него ножик! – завопили нападавшие.

– Где? – так же улыбаясь, спросила Петровна и обыскала меня.

Ножа не было.

Петровна поняла, что её разыгрывают, и направилась к двери.

Я по стеночке, по стеночке за ней.

Но только она вышла, как самая азартная тётка бросилась к двери и снова набросила крючок, а я метнулся обратно в угол и опять раскрыл нож. Он был спрятан в молитвенно

сложенных ладонях. Как я додумался это сделать – не знаю. Всё произошло как бы само собой...

В дверь опять замолотили, а несколько парней побежали к окнам. Схватив кирпичи, они приготовились бить стёкла, чтобы прийти мне на помощь. Моё бело-зелёное лицо, вздыбленные волосы и сверкающее лезвие не требовали комментариев и сомнений.

Крики парней, уже нешуточные крики Петровны и, главное, затянувшееся время сбили остроту психоза. Предупреждающе дёргая ножом, я рывками добрался до двери и, откинув крючок, сложил и выронил нож прямо в профессиональные руки в этот момент моего любимого хирурга Петровны...

В этот же день меня дислоцировали в другое отделение совхоза, а потом и домой.

От греха подальше!..

Но самое интересное то, что во всей этой заварушке никто из тех, кого я хлопал по попкам (а хлопал я только хороших!), не участвовал. Они сидели в глубине зала на матрацах очень перепуганные и даже пытались остановить это зашкалившее безумие. С одной из них я даже впоследствии подружился. Романтика – не романтика, а брови у неё были очень романтично изогнуты, как рисунок на голове у лебедя, кожа – шёлк, фигурка – балет. Да ещё и оказалось, что "Алые паруса" – её любимая книга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.